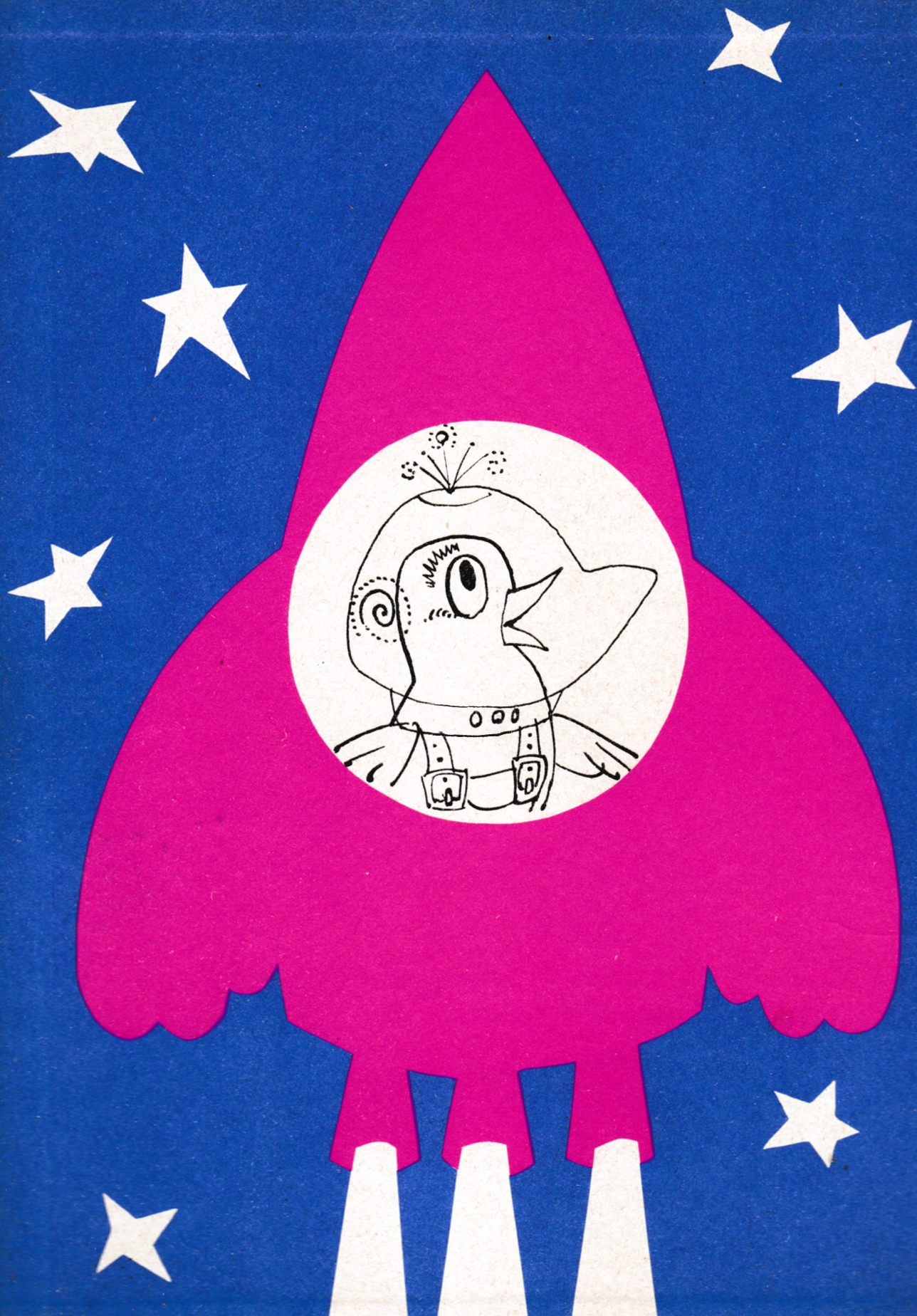
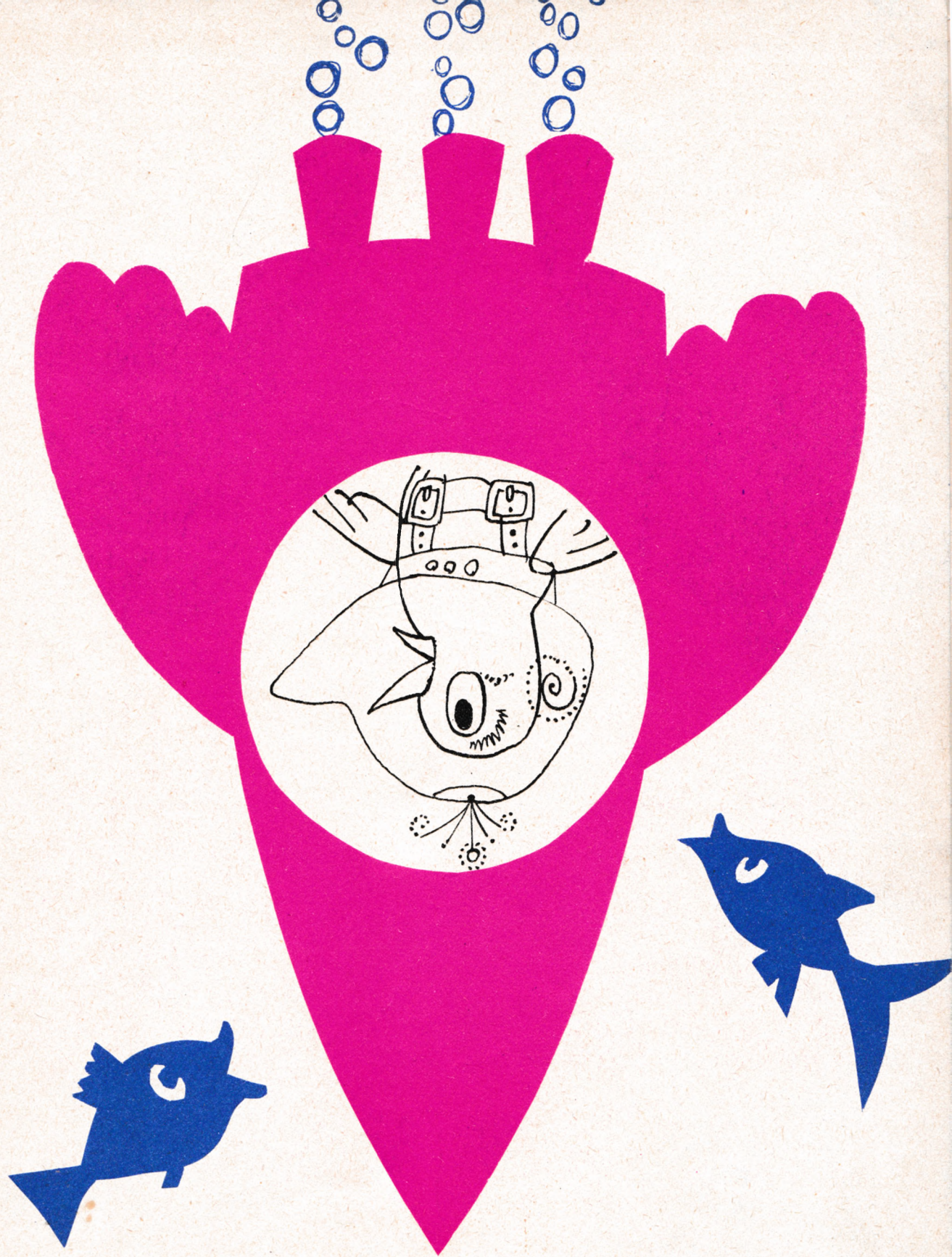

Янка

**ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966**

**КНИЖКА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ЛЮБИТ
СКАЗКИ И РАССКАЗЫ,
ВЕСЁЛЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
СТИХИ,
ЗАГАДКИ И РИСУНКИ**

Оляпка-3

Ребятишки, мои друзья!

Вот мы и в третий раз встречаемся с вами! Многие из тех, кто читал мою первую книжку, сейчас уже выросли. А я вот осталась прежней. Что поделаешь — птички, даже самые взрослые и умные, всегда остаются маленькими. Зато я по-прежнему весёлая, любопытная и озорная, так же купаюсь зимой, бегая по дну рек, ловлю всяких водяных жуков и маленьких рыбёшек и вообще делаю кучу разных интересных дел. И шалостей тоже. Как и вы. И по-прежнему люблю дружить с ребятишками — такой у меня характер.

В эту книгу я собрала для вас, моих старых и новых друзей, много интересных рассказов, сказок, стихов, загадок. Но о самом интересном, что я знаю, мне не терпится рассказать вам сразу же. Ну просто никак не терпится — такая уж я нетерпеливая. Переворачивайте быстрее страницу. Читайте!

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ, ЧТО Я ВИДЕЛА

Рассказывает сама Оляпка

Я видела космонавтов! Павла Ивановича Беляева и Алексея Архиповича Леонова. Не в телевизоре, а прямо в лесу, и так близко, как вы каждый день видите маму или учительницу. Расскажу, как это было.

Вы ведь знаете, что космический корабль-спутник «Восход-2», на котором они летали, приземлился в районе города Перми — того самого города, где выпускаются мои книжки. В тот день, 20 марта 1965 года, я залетела поглубже в глухую тайгу. Чтобы никто не мешал — хотелось придумать для этой книжки что-нибудь особенно интересное. А ничего не придумывалось.

Думала я, думала, вертелась на ветке, как нерадивый ученик за партой, посматривала на небо — так и вы делаете, когда не решается задачка. И вдруг вижу: что-то опускается прямо ко мне в лес. Не самолёт — самолётом меня не удивишь, и не вертолёт даже, его я тоже знаю — на мою подружку-стрекозу похож, — а какой-то совсем незнакомый корабль на куполах-парашютах.

Я газеты читаю и радио слушаю: сразу же догадалась — ведь это «Восход-2». Вот здорово — увидеть человека, первым шагнувшего в открытый космос из корабля! По воздуху я и сама летаю, захочу — кувыркаться могу, и под водой бегаю — не многие умеют так. Но чтобы в космосе!..

Только корабль приземлился — я туда. Открылся люк, и из него вышли двое — я их знала, и вы их знаете: Беляев и Леонов. Я давай щебетать и прыгать на ветке, чтобы они обратили внимание.

Беляев показал Леонову на меня:

— Ишь как заливаётся! Ну вот мы и дома...

А какой тут дом? Кругом тайга да глубокий снег. Тут только я как дома. Как же они будут до своего Байконура добираться?

И тогда я решила лететь к людям, чтобы рассказать, где находятся космонавты десятый и одиннадцатый.

Первым встретился мне весёлый лесоруб Вася Наседкин. Лес он не рубит, а пилит пилой с мотором — есть такая пила «Дружба». Я давай летать перед ним, перепархивать с ветки на ветку и чирикать во всё горло.

— А ты-то чего? — увидел он меня. — Тоже рада?

Я закивала головой: конечно! А он говорит:

— Ну, не очень-то гордись. Я, брат, тоже видел. Только одна беда: куда точно они приземлились — не знаю. А надо их непременно найти — тайга ведь.

Тогда я замахала крыльями — иди, иди за мной! — и полетела, показывая ему дорогу.

Когда Вася пришел к космонавтам, они поздоровались с ним, обнялись и спросили:

— Как ты нашел нас, парень?

Вася кивнул в мою сторону:

— Вон она привела...

— А, старая знакомая! Смотри, какая шустрая! Ну, лети сюда...

Тут я совсем осмелела и села к Леонову на плечо.

...Так я познакомилась с космонавтами. Эх, знали бы вы, до чего приятно быть с ними!

Что было потом, вы, наверное, знаете. Прилетели вертолётёты. Вася вырубил для них посадочную площадку, они опустились, забрали Павла Ивановича и Алексея Архиповича и увезли их сначала в Пермь, а потом — в Байконур и в Москву. Но перед отлётом, скажу вам по секрету, космонавты мне обещали, что в следующий космический полёт непременно возьмут меня с собой.

Не верите?

Посмотрим!

С тех пор я и решила свои книжки называть с цифрами «Оляпка-3», «Оляпка-4». Так же, как называют космические корабли: «Восток-3», «Восход-2». Или как называют самих космонавтов: Юрий Гагарин — Космонавт-1, Герман Титов — Космонавт-2, Беляев и Леонов, мои знакомые — Космонавты 10 и 11. Ведь я и сама скоро буду Космонавт Оляпка-1.

Вот только беда: чтобы лететь в космос, надо непременно иметь скафандр. А птичьих скафандров ещё не придумали. Ребята, придумайте для меня скафандр! Если кто придумает, нарисуйте меня в нём и пришлите мне в книжку. Тогда я непременно попаду в космический рейс и в следующей книжке вам обязательно расскажу об этом.

Юрий Мишаткин

Каток в Кремле

Из рассказов о Ленине

Злой январский ветер кинул в лицо горсть колючих снежинок. Ленин на миг зажмурился, а затем поднял воротник пальто и быстро зашагал к Чудову монастырю.

У изрешечённых осколками стен Арсенала лежали глубокие сугробы. Снег был и на зубьях Кремлёвской стены. Ленин миновал Спасские ворота и лишь собрался спуститься в Тайницкий сад, как в спину ему ударил снежок.

Владимир Ильич оглянулся. Позади стоял мальчик в тёплом платке, завязанном за спиной крепким узлом.

— За что это ты меня? — удивился Ленин.

— Я не в вас, дяденька, — ответил мальчик. — Я в Сашку метил, а он увернулся. Сашка! Хватит прятаться! Всё равно поймаю и снегу за ворот натолкаю!

— За что же Сашке такое наказание? — улыбнулся Ленин.

— А пусть не задирается. Ой! — мальчик недоговорил. — Здравствуйте, Владимир Ильич! — смущённо поздоровался он. — Я вас сразу не признал...

— Здравствуй... — ответил Ленин. — Только и я тебя что-то не узнаю... Позволь, ты Валя Калинин, сын Михаила Ивановича? Вот мы с тобой и квиты: вначале ты меня не узнал, затем я тебя, — рассмеялся Ленин и предложил: — Давай вместе брата искать.

Сашку, мальчика в длиннополом пальто и с таким же, как у брата, платком на голове, Валька и Владимир Ильич нашли за старой липой. Он сидел у сугроба на корточках и преспокойно лепил большой снежок.

— Ага! — крикнул Валька, кинулся на брата и, усевшись на нём верхом, стал набивать ему снег под платок.

— Хватит вам! — прикрикнул на них Владимир Ильич и принялся разнимать дерущихся. — Устали? — спросил он потом. — То-то же! А теперь перестаньте дуться друг на друга и миритесь.

Первым пошёл на примирение Сашка. Он встал и протянул брату руку.

— Вот так-то будет лучше, — улыбнулся Ленин. — Давайте, дорогие братья Калнины, гулять и свежим воздухом дышать.

И два брата зашагали с Лениным.

— Чем же вы, дорогие товарищи, занимаетесь? — поинтересовался у мальчиков Владимир Ильич.

— А ничем,— сознался Валька.— В школу ходить нам ещё рано: мне только через год идти, а Сашке и того позже...

— Так-с...— сказал Ленин и остановился у выглядывающих из-под снега толстых дубовых бревён. Рядом лежали каменные глыбы, ржавые трубы, разбитый памятник царю Александру II и прочий хлам.— Значит, лишь снежки лепите да дерётесь?

Мальчики смущённо кивнули.

Ленин посмотрел на дубовые кряжи и сказал:

— А знаете что, товарищи Калинины?

— Что? — спросили братья.

— Приводите в субботу вечером на эту площадь всех живущих в Кремле ребят.

— И что будет? — спросил Саша.

— Придёте — узнаете, — таинственно ответил Владимир Ильич и, попрощавшись, пошёл назад, к видневшемуся вдали зданию Судебных установлений.

Братья Калинины смотрели ему вслед.

Младший решал, зачем Ленину нужны все кремлёвские мальчишки и девчонки?

А старший, Валька, думал, что, занятый делами, Ленин забудет и не придёт в субботу на захламлённую брёвнами и камнями площадь.

Но настала суббота, и Владимир Ильич вновь пришёл на площадь. Да не один, а с отрядом курсантов Кремлёвской военной школы. В руках у каждого курсанта было по лопате, они держали их, словно винтовки, на плече и, шагая ровным строем, пели.

Была лопата и у Ленина. Но нёс он её не на плече, а просто держал в руке.

— Здравствуйте, товарищи,— поздоровался Владимир Ильич с собравшимися на площади детьми, а командир отряда скомандовал курсантам:

— Отряд, стой!

— Недавно одни товарищи жаловались мне, что им скучно живётся и они не могут найти для себя настоящего дела,— сказал Владимир Ильич и посмотрел на братьев Калининых.— Поэтому предлагаю очистить эту площадь, залить её водой и сделать каток. Тогда скучать нам всем будет некогда.

— Здорово! — выкрикнул кто-то из ребят, и ему хором ответили:

— Даёшь каток!

И закипела на кремлёвской площади работа, начался самый первый в нашей стране субботник, который на целых четыре месяца опередил Всероссийский субботник 5 мая 1920 года.

Одни красноармейцы встали в цепочку и, передавая из рук в руки камни, складывали их у Кремлёвской стены. Другие принялись растаскивать ржавые трубы. Третьи подняли и понесли тяжёлые брёвна.

Ленин хотел было помочь курсантам, но молодые красноармейцы знали, что у Ильича после ранения часто побаливает рука, и поэтому не разрешили ему браться за брёвна.

— Не позволяют мне брёвна переносить,— пожаловался Ленин детям.— Ну что же, придётся тогда с вами снег убирать. А ну, разбирайте лопаты!

Не прошло и часа, как площадь была очищена от мусора и снега. Братья Калинины притащили откуда-то длинный резиновый шланг и прикрепили его к водопроводному крану.

— Позвольте мне,— попросил ребят Владимир

Ильич.— Когда-то в Сибири, в селе Шушенском, я умел отлично заливать катки. Правда, не из водопровода, но, надеюсь, с помощью техники лучше должно получиться.

Сашка и Валька передали Ленину шланг, а сами отошли в сторонку и стали наблюдать, как Владимир Ильич ловко поливает площадку.

Когда вся площадка была залита, Ленин закрутил кран, свернул шланг и вернул его братьям.

— Всё,— сказал он.— Завтра наш каток будет готов: за ночь вода замёрзнет. Так что можете точить свои коньки.

Ребята радостно загалдели, а Валька и Сашка грустно переглянулись. Коньков у братьев Калининых не было...

Воскресный день выдался ясным и солнечным.

С раннего утра кремлёвский каток заполнили ребята. Они носились взад и вперёд, падали, поднимались и снова неслись дальше. Пришли на каток и свободные от караульной службы курсанты. Но как и у братьев Калининых, коньков у красноармейцев не было.

После обеда на каток пришёл Ленин.

— Товарищ курсант,— обратился он к одному из красноармейцев,— вы умеете командовать?

— Так точно, товарищ Ленин! Мы же будущие красные командиры!

— Тогда, будьте добры, соберите конькобежцев и помогите им устроить соревнование.

Участвовать в соревновании захотелось многим. Курсант выстроил всех желающих в один ряд искомандовал:

— Внимание! Бе-гом марш!

Конькобежцы ринулись вперёд.

Но тут случилось такое, о чем позже долго

вспоминали в Кремле, что никак не могли предвидеть ни курсант-судья, ни Владимир Ильич.

Пока бегуны ждали сигнала, братья Калинины незаметно для других скинули валенки. И как только раздалась команда «Бегом марш!» — вдогонку конькобежцам по гладкому льду побежали и Сашка с Валькой.

Кто-то закричал и заулюлюкал им вслед. Почувствовав что-то неладное, оглянулись конькобежцы, увидели преследователей и от удивления замедлили бег.

А Вальке и Сашке только этого и надо было! К великому восторгу и радости всех на площади, они перегнали конькобежцев.

Впереди, мелькая синими шерстяными носками, бежал Валька, Сашка чуть отставал. Но Валька вдруг поскользнулся, замешкался, и Сашка тотчас же его догнал.

— Вот это победители! Нет, вы только подумайте, какая исключительная находчивость! — смеялся Владимир Ильич, когда братья вернулись назад, в весёлую толпу товарищей. — Одно дело — просто победить, и совсем другое — проявить при этом находчивость. Ну, молодцы, братья Калинины. Честное слово, молодцы! Поздравляю! А валенки, будьте любезны, сейчас же надеть: в носках на морозе можно легко простудиться.

— Смотрите! — вдруг крикнула одна из девочек, и все на катке увидели на Троицкой башне коменданта Кремля и командира отряда курсантов.

— Так они же орла снимают! — объявил Валька.

— Правильно, — подтвердил Ленин. — Давно было пора нам с этой птицей проститься. Нечего ей в Кремле делать. Со временем вместо орлов на каждой кремлёвской башне мы установим пятиконечные красные звёзды.

Несколько минут Владимир Ильич вместе со всеми ребятами и курсантами наблюдал, как с башни на брон-

зового орла забрасывали верёвочную петлю. Затем поправил каракулевую шапку и зашагал навстречу морозному ветру к себе в кабинет.

Наум Хаунен

ТЕТРАДЬ

На столе тетрадь ученика,
Тоненькая школьная тетрадь.
Жизнь тетрадей очень коротка...
Этой — никогда не умирать!

К столику в музее подошёл
Робко октябрёнок-ученик.
Смотрит, смотрит — всей своей душой
К ленинской тетради он приник.

Евгения Трутнева

ПОБЕДА

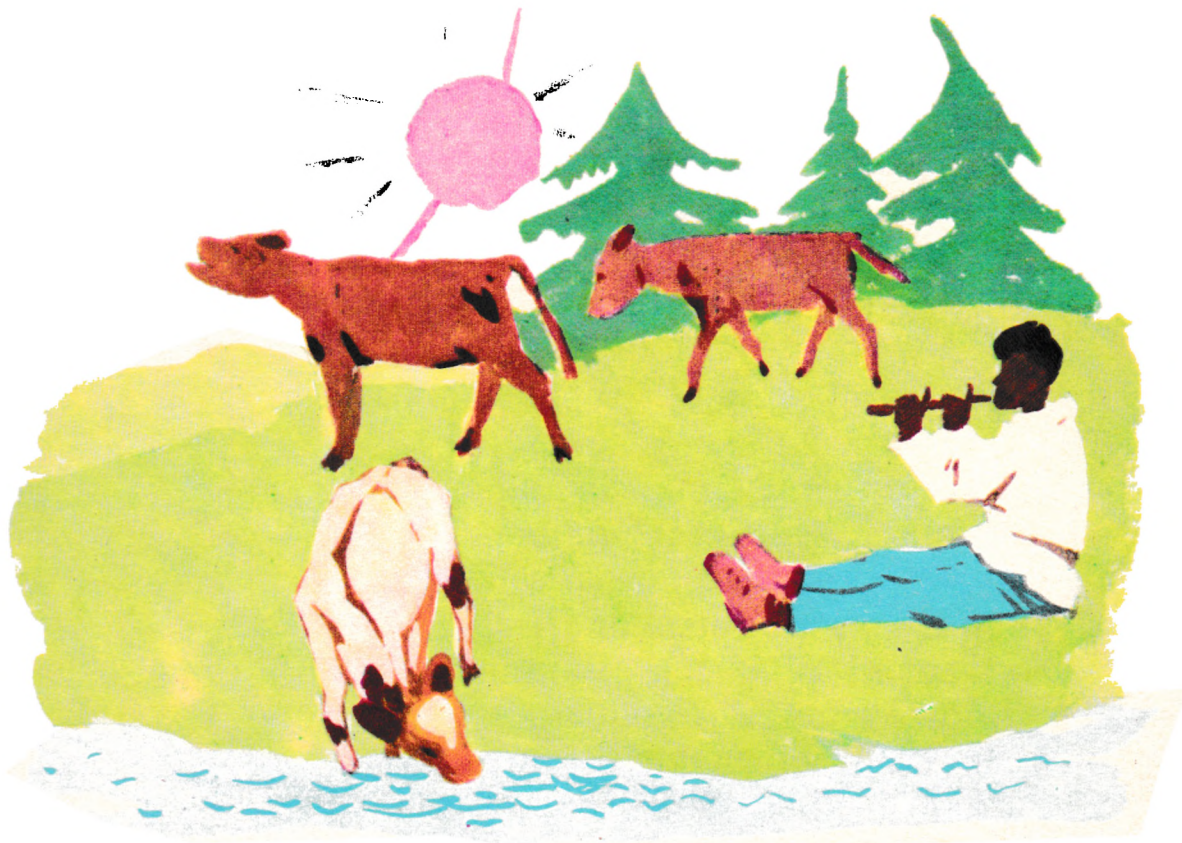
9 мая 1965 года исполнилось 20 лет со дня нашей победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

Солнце в трубу золотую трубит:
«Слава герою-бойцу!
Враг побеждён, уничтожен, разбит —
Слава герою-бойцу!»
«С врагами я бьюсь, — говорит боец, —
На это и жизни не жаль,
Но меч для меня ковал кузнец,
Крепка закалённая сталь!»

«Я выковал меч, — кузнец говорит, —
Он жаром на солнце горит,
Но сталь добывал из руды и огня
Мой брат сталевар для меня!»
«Конечно, — сказал сталевар, — металл
Я сам из руды доставал,
Но в тёмные недра Уральских гор
Спускался не я, а шахтёр!»
Шахтёр отвечает: «Я добыл руду,
Забой у меня каменист,
Но я по стране поездов не веду —
Привозит руду машинист!»
«Я езжу, — сказал машинист, — по стране
Во все города и концы,
Но хлеб добывают и вам, и мне
Родные наши жнецы!»
«Да, это верно, я всех кормлю, —
Сказал машинисту жнец, —
Но землю, которую я люблю,
Сберёг для меня боец!»

Николай Чикуров

**Раздольное поле, бархатный луг,
звонкий ручей, зелёные ёлки
и Петя-пастушок**

Сказка

Жили да были на белом свете ёлки — зелёные иголки. И такие они стройные да кудрявые росли, что одно загляденье. Ёлки дружили с раздольным полем, которое кормило людей, с большим бархатным лугом, по которому у самого леса бежал звонкий ручей, да с Петей-пастушком, что пас колхозные стада.

И долго бы ещё жили они вместе, если бы однажды на рассвете не раздались орудийные раскаты. Раз уда-

рила пушка, два, три, и по зелёному лугу один за другим проползли серые танки. А у каждого танка на стальных боках чёрные кресты нарисованы.

Вслед за танками самолёты чёрные с белыми крестами налетели и стали бомбы бросать. И где упадёт бомба, там чёрная яма появится. Потемнел бархатный луг. Угрюмо стояли искалеченные осколками ёлки — зелёные иголки.

И вот как-то под вечер за бугром слышались автоматные выстрелы. А немного погодя на зелёный лужок выбежал русский солдат. Позади него — враги. И так их было много, что и счёту нет. У каждого — автомат, а на голове — каски рогатые. Враги гнались за русским солдатом. Шинель на нём вся изорвана. Правый сапог с голенища до каблука распорот, и нога забинтована. А сквозь бинт кровь алая просочилась. Еле-еле бежит солдат. Остановится, чтобы дух перевести, вскинет винтовку, прицелится и выстрелит во врагов раз, другой — и опять дальше бежит.

— Петя-пастушок! — узнало его поле. — Петя, миленький, — зашептало оно, — что с тобой? Почему ты хромаешь и кровь у тебя из ноги бежит?

— Враги меня ловят, убить собираются! Спрячь меня, поле родимое!

— Рад бы, Петенька! Да всю пшеничку враги лютые повыжгли, танками потоптали, негде тебя укрыть. Беги, Петя, к лугу зелёному. Может, он спрячет, а я постараюсь задержать лютых врагов.

А враги тем временем выбежали на поле, увидели солдата и давай на бегу из автоматов по нему палить. Только не могут в Петю попасть. Нацелится враг в Петю-пастушка — и вдруг запнётся за камень или за кочку и растянется на земле. Вскочит на ноги — и шагу не

сделает, как опять запнётся или в яму провалится. Вроде и место ровное, да только под каждый вражеский сапог так и попадаются кочки да ямы.

Ругаются враги рогатые:

— Этим русским сама земля помогает. Не будет нам здесь удачи.

Прибежал русский солдат к лугу зелёному.

— Враги меня ловят. Убить собираются. Спрячь меня, бархатный луг.

— Негде, Петенька, спрятать тебя. Негде, родненький! Всю травку мою враги вытоптали, и укрыть тебя нечем. Беги к ручью звонкому, а я постараюсь задержать злых врагов.

Бежит Пётр-солдат по лугу, на винтовку тяжело опирается, и где ступить его ноге раненой — травушка-муравушка ковром бархатным стелется.

Подбежал Петя к ручью звонкому и просит:

— Ручеёк, ручеёк, спрячь меня. За мной враги рогатые гонятся. Убить собираются.

Узнал и звонкий ручей Петю-пастушка и говорит:

— Рад бы, Петенька, рад бы, родненький! Да негде укрыть тебя. Все берега мои враги чёрными бомбами разрушили, обмелел я. Беги к лесу хвойному, а я постараюсь задержать врагов.

Перешёл Петя-пастушок звонкий ручей, даже ног не замочил, и к лесу побежал.

А враги тоже к ручью бегут. Подбежали они к звонкому ручью, и сразу же берега у него трясинной подёрнулись. Заскочили враги в воду и завязли. Засосал их ручей.

Долго вылезали враги из ручья, а когда вылезли, Петра и след простыл.

Подбежал Пётр-солдат к лесу зелёному. А берег

ручья возле леса скалистый и обрывистый. И только в одном месте тропинка еле приметная.

Взобрался солдат по этой тропинке на скалу. Отстегнул свои гранаты боевые, поудобнее прилёг за камень — его и не видно стало.

Подбежали и враги поганые к лесу зелёному. Всё ближе, ближе они. Глаза по-волчьи светятся, горланят супостаты во все глотки:

— Русс, сдавайся!!!

А Пётр-солдат времени зря не теряет. Прицелится из своей винтовки — и бабах в рогатого. Взмахнёт враг руками — и тут же на земле растянется.

Но сколько ни стрелял Петя-солдат, супостаты лютые всё ближе и ближе подползают. Двоих-троих убьёт — на их место новые становятся. Трудно стало бойцу. А враги уж совсем близко. Тогда поднялся Петя-солдат с двумя гранатами в руках и крикнул зычным голосом:

— Получайте, изверги, подарочек!

Бросил в них Петя гранаты боевые. Раздалось два взрыва могучих, разбросали они врагов по земле и многих поубивали.

Но не уберётся Петя-солдат. Вражеская пуля впиалась ему в плечо. Сморщился он от боли, но винтовку свою ещё крепче сжал и опять в рогатых стрелять принялся.

Только недолго он стрелял: кончились все патроны, и гранат боевых больше нет. Враги увидели, что не стреляет солдат, и снова карабкаться в гору стали.

«Плохо дело,— думает Петя-солдат.— Не осилить мне врагов рогатых. Ещё бы штыком повоевать, да не слушается правая рука. Да и нога от раны одеревенела». Закусил он губу до крови, поднял здоровой рукой винтовку и, опираясь на неё, побежал к ёлкам — зелёным иголкам.

Прибежал Петя-солдат в лес и говорит:

— Ёлки — зелёные иголки, изранен я, сил нет, спрячьте! За мной враги гонятся, убить хотят.

— Петенька, миленький, беги скорее к нам! — зашумели ёлки, приветливо закивали зелёными ветками и спрятали солдата. Залез солдат на кудрявую ель и совсем его не видно стало.

Враги же тем временем к лесу подбежали. Забеспокоились ёлки — зелёные иголки: а вдруг увидят рогатые Петю-пастушка? Попросили тучу чёрную, чтобы закрыла она солнце. Подплыла туча к солнышку, завернула его в серую вату, и сразу ночь наступила.

Шарахаются в темноте враги рогатые от дерева к дереву, нигде русского солдата найти не могут. И всё дальше в чащу леса забираются. А ёлки — зелёные иголки смекнули что к чему и расступились. Подмигнули они месяцу ясному. Блеснул месяц своим серпом — и дорожка в лесу обозначилась. Врагам кажется, что впереди их русский солдат бежит. Опять открыли они пальбу из автоматов и бегут что есть силы, догнать хотят.

Только не понимают враги лютые, что это не солдат бежит, а ёлки — зелёные иголки своими ветками в темноте помахивают. Так бежали рогатые до тех пор, пока на топкое болото не выбежали. А как забежали они на болото, так месяц ясный сразу в тучу ушёл. И такая темень

навалилась, хоть глаз выколи. Завыли враги, погибая в топком болоте. Ухватится один за ветку еловую, чтобы вылезти из болота, а она как размахнётся — да и бросит его в самую трясину. Другой на коленках, ползком доберётся до берега, но тут ёлки — зелёные иголки сгрудятся непроходимой стеной и, сколько он ни ползает, опять в болото угодит.

И всё же уцелело пятеро. Выползли они из болота и побрели по лесу. Ходили-ходили, из сил выбились. До сухого места дошли, уселись под ёлкой и костёр развели. А Петя-пастушок на соседней ёлке сидит. Ему-то сверху их хорошо видно, а они его не видят.

Трое врагов спать улеглись, а двое других часовыми встали. Взяли в руки автоматы и вокруг костра ходят.

А ёлки — зелёные иголки пошептались с лугом, перемигнулись с полем, и тотчас же в лес соловьи прилетели, и так сладко-сладко они запели, что оба часовых мигом уснули.

Травушка-муравушка подслушала их храп, тихонько шепнула ёлке, а ёлка — зелёная иголка рассказала Петепастушку.

Спустился Пётр-солдат на землю, собрал автоматы и как только светать стало, направил один на спящих врагов и крикнул своим зычным голосом:

— Руки вверх!

Проснулись рогатые от голоса солдатского, руки вверх подняли, трясутся от страха перед Петей-пастушком, слова вымолвить не могут. Скомандовал им Пётр-солдат:

— Шагом марш!

И повёл в плен

Потом возвратился Петя с войны. Снова весело зажили ёлки — зелёные иголки, раздольное поле, бархатный луг да звонкий ручей вместе с Петей-пастушком. И с тех пор на то поле, тот луг, к тому ручью, в тот лес ни один враг носа не показывал. А если и случалось кому из них забрести, то средь бела дня темень навалится, ёлки — зелёные иголки с места на место перешагивают, все тропинки перепутывают. Крутят, водят по лесу врага до тех пор, пока в болоте не утопят.

А когда наш, хороший человек зайдёт в лес — и тишина в нём, и светло, и сухо, и тропинки узорами обозначены.

Иван Панькин

П е т р и

Рассказ

Ослик Петри умел тушить горящие свечи, перелистывать книгу, если дрессировщик между страницами насыпал отрубей. Петри умел и читать, но только про себя. И ещё очень он хорошо танцевал вальс: если начинал кружиться, то не останавливался до тех пор, пока дрессировщик не подходил к нему и не угощал корочкой хлеба, посыпанной солью. Это было самое любимое кушанье ослика.

После угощения Петри раскланивался. Он кланялся публике, дрессировщику, униформистам, стоявшим у входа на арену, и даже столбам, поддерживающим цирковой купол. Кто знает: может, и столбы заплодируют, а Петри очень любил аплодисменты.

В то время, о котором ведётся рассказ, была война. Однажды фашистские самолёты налетели на город, в

котором выступал Петри, и сбросили бомбы. Цирк загорелся. Звери с рёвом метались в клетках, а которые были на свободе, разбегались. Тогда и Петри от привязи оторвался и помчался вслед за другими. Долго бежал он. И оказался в безлюдной степи. А была зима. Стояли самые студёные дни, в степи всё время дули лютые ветры, до того лютые, что от них по ночам даже звёзды дрожали в небе.

Ослика тоже бросило в дрожь, он постоял немного, поднял голову и жалобно закричал: «И-а-а, и-а-а». Так ослик раньше звал к себе дрессировщика. На этот раз никто не откликнулся.

Наутро закрутила выюга, да такая, что белого света не стало видно.

— В-и-и, в-у-у,— разными голосами завывала она.

Ослику стало очень трудно идти. Ветер намёл сугробы. Хотелось есть. Стоило остановиться и закрыть веки, тут же начинали грезиться сны, и такие хорошие! Один раз Петри увидел весенний праздничный вечер. Цирк сиял разноцветными огнями, и люди наперебой кормили его всякими лакомыми кусками. А за то, что он хорошо танцевал, дрессировщик поставил перед ним целое ведро отрубей. Этот вечер был и на самом деле в жизни ослика. Он запомнил: когда над цирком горят красивые разноцветные огни, бывает сытно.

Когда ослик очнулся от сна, выюги уже не было. Он огляделся и вдруг увидел в небе огни, точно такие же, как в праздничные вечера над цирком. А когда в степи появились люди, Петри ещё больше обрадовался. Люди с двух сторон бежали к нему. Правда, одеты они были не в цирковые костюмы, а в длинные солдатские шинели. Но Петри не очень разбирался в костюмах, для него все люди были зрителями. И поэтому, увидев их, он радостно

закружился в вальсе. Кружился Петри не просто как попало, а как учил его дрессировщик: когда нужно было, он припадал на левую ногу, когда нужно — на правую. Кружился даже на двух задних ногах. Кто ходит на четырёх ногах, тот знает, как трудно это делать. Но Петри старался, он хотел понравиться публике и заработать хоть корочку хлеба.

Люди кричали уже почти рядом. Петри всё танцевал. А когда закончил самый тяжёлый трюк — падение со «свечи» на колени — и склонил голову вниз, ожидая аплодисментов, кто-то из солдат, одетых в рогатые каски, ударил в него из ружья. Петри удивлённо посмотрел на них, словно хотел спросить: «За что же? Я ведь так хорошо танцевал перед вами!».

Лев Кузьмин

КОРОЛЬ-ВОЯКА, НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАШИНА И МАЙ-МАСТЕРОВОЙ

сказка

В дворцовый замок ночью
Пришёл тайком доносчик.
Шепнул он стражнику пароль,
Спросил поспешно: «Где король?»
Клянусь своею честью,
Я прибыл с важной вестью!»
И вот

В трусах и колпаке
Король из спальни вышел;
Он, жезл витой держа в руке,
Спросил: «Ну, что ты слышал?»
Доносчик лбом ударил в пол:
«Ах, мой король, несчастье!
Всю ночь по лужам к вам я шёл,
Напуган злой напастью.
Я трое суток сам не свой!
От страха весь я стыну.

В столице
Май-мастеровой
Придумал дерзкой головой
Ужасную машину!
Две дырки есть в машине той
И коль в одну задвинешь
Сапог солдатский —
Из другой
Ботинок детский вынешь!
А если сунуть в дырку ту
Ружьё и даже пушку,
То, видит бог, что я не вру —
Получишь лишь хлопущку!»
Король утёр холодный пот
И, оглядась тревожно,
Спросил: «Ну, а наоборот
Пустить машину можно?»
«Наоборот? Наверно, да...
Лишь подкрутить немного...
Но не захочет никогда
Мастеровой такого».

Король вскричал: «Мастеровой?
Его в подвал я кину,
И без него своей рукой
Вспять запущу машину,
Я у мальчишек отберу
И обувь, и хлопушки,

Добро ребячье оберну
В гранаты, в сабли, в пушки!
Мне в кованые сапоги
Обуть людей охота:
Пусть слышат все мои враги,
Как топают пехота!
Она пойдёт за валом вал
Меня в веках прославить.

Эй, стража! Мая взять в подвал!
Машину к нам доставить!»
И началась тут кутерьма
Любой беды почище;
Стучатся стражники в дома,
Добро ребячье ищут.
Ботинки, тапки — всё берут!
С игрушками ли ящик —
И тот сейчас же отберут
И вмиг к машине тащат.
Король машину крутит сам,
Суёт в неё игрушки,
Калоши, туфли —
И к ногам
Ему выходят пушки!
Мильон солдатских сапогов
Лежит горой за троном,

Мильон кинжалов и штыков,
И миллиард патронов...
Но мало, мало королю
Набитых смертью складов;
Кричит он: «Бомбы я люблю!
Мне бомбу сделать надо!»
И вот отняли у ребят
Отличный мяч футбольный,
Король добыче очень рад,
И стражники довольны.
Мяч туговат, но всё ж идёт,
Поскрипывая малость:
Машина крутится — и вот
Полбомбы показалось.

А дальше — стоп! Вперёд никак
Не выйдет тело бомбы.
А вышло б, то наверняка
Она была бы с дом бы!
Король спешит. Ведь он терпеть
Не хочет, не умеет:
Машину начал он вертеть
Всё яростней, сильнее.
И бомба вырвалась, спеша
Из дырки очень тесной,
И разорвалась, всё круша,
С огнём, со страшным треском!
И не осталось ничего
От короля-вояки;
Лишь через год колпак его
Поймали в речке раки.
С подвала сбил замки народ,
И Май на волю вышел.
Он вновь пустил машину в ход,
Но лишь для ребятишек.
Он сделал так, чтоб всяк всегда
Мог получить игрушку,
Ботинки, мяч, но никогда —
Гранату или пушку!

ПЯТНАДЦАТЬ МОСТОВ

У пруда на островах жили утки. Решила Оляпка в гости к ним сходить.

У всех погостила, чай попила и по всем пятнадцати мостикам пробежала. И по каждому мостику только один раз. Попробуйте вы, ребята, пройти по всем мостикам, как она, чтоб только один раз по каждому из них переходить. Начинать тут можно только из двух мест, иначе вам не решить задачу.

ПРОИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ

Александр Граевский

Всю эту игру выдумал Генка Зацепин. Его заставили козу Машку пасти, а ребята на речку собирались. Генке тоже хотелось на речку сходить — кому интересно сидеть одному и козу караулить? Но уйти всё равно было нельзя. Вот тогда Генка и придумал.

Он взял большой прут и, когда увидел, что ребята идут по тропинке, давай этим прутом крушить крапиву:

— Р-раз! Р-раз! Что, не нравится? Так вам, фашисты!

А когда ребята подошли ближе, Генка повернулся к ним:

— Стой! Кто идёт? Пропуск!

Ребята остановились. Мишка Суворов крикнул в ответ:

— Ты кто такой, чтобы пропуск спрашивать?

Генка подбоченился:

— Я часовой. Меня поставили шпиона-диверсанта охранять.

— Какого шпиона-диверсанта?

— Обыкновенного,— отвечает Генка. И показал на козу.

Коза, конечно, на шпиона не походит. Но поиграть ведь каждому хочется...

— Мы его сейчас освободим, твоего арестованного, — заявил Мишка. — Отвяжем его и отпустим.

Но Генка и тут сумел вывернуться:

— Что, — спрашивает, — все на одного?

Нет, конечно, все на одного нападать не собирались. Так не игра будет — обида одна. А у Генки уже новое предложение: разделить на две партии. Одна будет шпиона охранять, другая — освобождать.

Разделились быстро. Только вот освобождать шпиона-диверсанта никому не хотелось. Одно дело — охранять его. Он, значит, пойман и сидит арестованный. Другое дело — освобождать. Тут, выходит, что этот самый диверсант вроде бы тебе друг-приятель...

В конце концов договорились жребий метнуть. На этот случай у ребят был свой способ, который назывался «тыка-ляпа». Генка взял палку и подбросил ее, да ещё крутанул, как это делают жонглёры в цирке. Пока палка крутилась в воздухе, Мишка Суворов успел крикнуть:

— Моя тыка.

Палка, однако, шлёпнулась на землю плашмя или, как ребята говорили, сделала ляпу. Значит, Мишка не угадал, и его команда должна была освобождать диверсанта.

Мишка увёл своих ребят к забору. Они долго о чём-то совещались. Потом враз дружно скрылись.

Генка начал командовать. Все понимали, что командир он. Но ведь и, кроме командирской должности, есть много интересных. В разведчиках, например, разве плохо?

Опять же, всем разведчиками нельзя. Кто-то должен

быть часовым, кто-то связным, кто-то наблюдателем. Уж если в войну играть, то каждому дел хватит.

Но в разведку каждому хочется попасть. Вот и начался у ребят спор. И ребят вроде немного — пятеро всего, а шуму подняли — до неба!

Володька Прохоров кричит:

— Я разведчиком буду! А если нет — вовсе уйду.

Петька Снегирёв на него:

— Какой ты разведчик? Да я тебя одной левой...

Тут же Генка Зацепин, командир, вмешивается:

— Подумаешь, силач нашёлся! Я вот тебе как дам!

Шумят ребята, спорят. Только маленький самый, Глебушка, всё ждал, когда можно будет словечко вставить. Улучил момент и говорит:

— Можно, я часовым буду? А то, глядите, Машка скоро совсем уйдёт.

Все посмотрели туда, куда показывал Глебушка. И действительно, Машка далекомько утянулась и щипала траву там, где в заборе давным-давно была проделана дырка.

И вдруг в эту дыру, прикрытую доской, которая держалась лишь на верхнем гвозде и могла качаться, как маятник, один за другим стали выскакивать ребята. Первым выскочил Мишка Суворов и, не теряя ни минуты, бросился к Машке. Коза шарахнулась было в сторону, но Мишка успел схватить её за рога и что было сил потянул к забору.

Когда Генка и вся его команда опомнились, было уже поздно: Машка скрылась за забором. Генка первым подлетел к забору, отодвинул доску в сторону, сунул голову в дыру. И его тут же схватили чьи-то руки.

— Тяни командира!— крикнул Мишка Суворов.

— Выручай его, ребята!— завопил Петька Снегирёв.

Положение у Генки создалось незавидное. Доска больно давила бок. Одной рукой завладели враги и норовили её оторвать. А за другую руку и за туловище тянули свои.

Несколько минут шла напряжённая борьба. Наконец, Глебушка догадался. Нашёл дырку, просунул в неё прут и начал тыкать им противников. Те отступили, и вся Генкина команда враз оказалась на земле.

Сражение было проиграно по всем пунктам. Соваться по одному в дыру бесполезно, а козы Машки и след простыл.

В этот критический момент послышался голос Генкиной мамы:

— Гена! Ге-е-на! Иди домой-о-ой!

— Кончилась, значит, война,— вздохнул Глебушка.— Диверсанта сейчас доить будут.

— Его сначала отбить надо,— буркнул Генка.— Придётся перемирие объявить.

Он подошёл к забору, отвёл доску в сторону и мрачно сказал сунувшемуся на него Мишке Суворову:

— Кончай, ребята. Мать домой зовёт.

Минут через пять Генка Зацепин и Мишка Суворов вдвоём тянули козу по улице. Пришлось идти в обход: лезть обратно через дыру в заборе Машка отказалась наотрез.

Виктор Попов

Пусть не знают руки скуки

Знаю я, у Вани
руки
Никогда не знают
скуки.
Вот они поят
крольчат,
Вот скамейку
мастерят.
Дров наколют,
если надо,
Быстро высадят
рассаду.
Хлеб несут
из магазина,
Водят в сад
сестрёнку Зину.
Пусть, друзья,
и ваши руки
Никогда не знают
скуки.

Виталий Пашин

ВИТКА- БУЯН

Ну и история с нами вчера приключилась, рассказать — не поверите. Пришла я из школы, а дома прямо голову сломишь: игрушки разбросаны по полу, из новой «Мурзилки» два листа вырваны, Витьке спать пора, а дедушка уложить его никак не может, раскапризничался... Да не дедушка, Витька! Кричит: «Баба!» — и всё! Привык, чтобы бабушка его укладывала, а где мы её возьмём, раз она на три дня к дяде Пете уехала? Бились, бились, кое-как утихомирили — уснул.

Я села за уроки, а дедушка собрался к какому-то своему знакомому, хотя бабушка строго ему запретила уходить от Витьки. Ну, я не возражала. Раз ему надо, пусть идёт — бабушке я ничего не скажу.

Оделся дед и стал ожидать Дмитрия Петровича, нашего соседа, он шофёр и обедать на машине домой приезжает. А когда едет с обеда, всегда дедушку к знакомым по пути «подбрасывает». Правда, бабушка за это ругает деда: говорит, не надо тебе ни к каким знакомым, просто любишь ты в директорской «Волге» прокатиться.

Будто большой начальник. Из ума, говорит, ты, дед, выживаешь.

Сидит дедушка на диване десять минут, сидит двадцать. Скучно ему стало ожидать Дмитрия Петровича, вот он и давай мне наставления читать, как вести себя, если без него Витька проснётся. Если буянить будет, то чтобы немедленно звонила я к знакомым, куда поедет дед. Только вот номер их телефона забыл. Думал, думал, всё-таки вспомнил, записал на бумажке: 29-70.

Тут и Дмитрий Петрович зашёл, понарошку докладывает деду:

— Товарищ начальник, карета подана!

Осталась я одна. Арифметику сделала, по письменному упражнение написала, уже стихотворение принялась учить... Вдруг — на тебе: зашевелился Витька в кровати. Открыл глаза и первым делом бабушку звать. Я и указывать его, и сказку рассказывать, а ему всё нипочём: орёт, ногами по кровати стучит, брыкается. Вижу, не сладить мне одной с этим буяном, подошла к телефону, набрала номер и слушаю. А из трубки кто-то как крикнет:

— Дежурный Петренко у телефона!

— К вам, — спрашиваю, — дедушку привозили?

А голос спрашивает:

— Как его фамилия?

— Спиридонов Иван Макарович.

— Извините, — говорит, — я сегодня первый день работаю, технику приёмки не вполне освоил, сейчас по журналу посмотрю.

Долго молчала трубка, потом опять спрашивает:

— А когда его отвезли к нам?

— Сегодня, — говорю, — час назад.

— Никак нет, — отвечает трубка. — Сегодня с утра Спиридоновых не поступало. А в чём, собственно, дело?

— Да Витька,— говорю,— кричит, буянит, никакого сладу с ним нет. Дедушка велел к вам позвонить...

— Понятно, — перебил голос в трубке.— Так бы сразу и сказали! Одну минуточку, сейчас в журнал запишем... Какой ваш адрес?

— Улица Садовая, 27, первый подъезд, внизу, налево.

— Фамилия?

— Чья? — спрашиваю,— дедушки?

— Какого дедушки? Буяна вашего!

— Соломакин, Витя.

Трубка повторила по слогам:

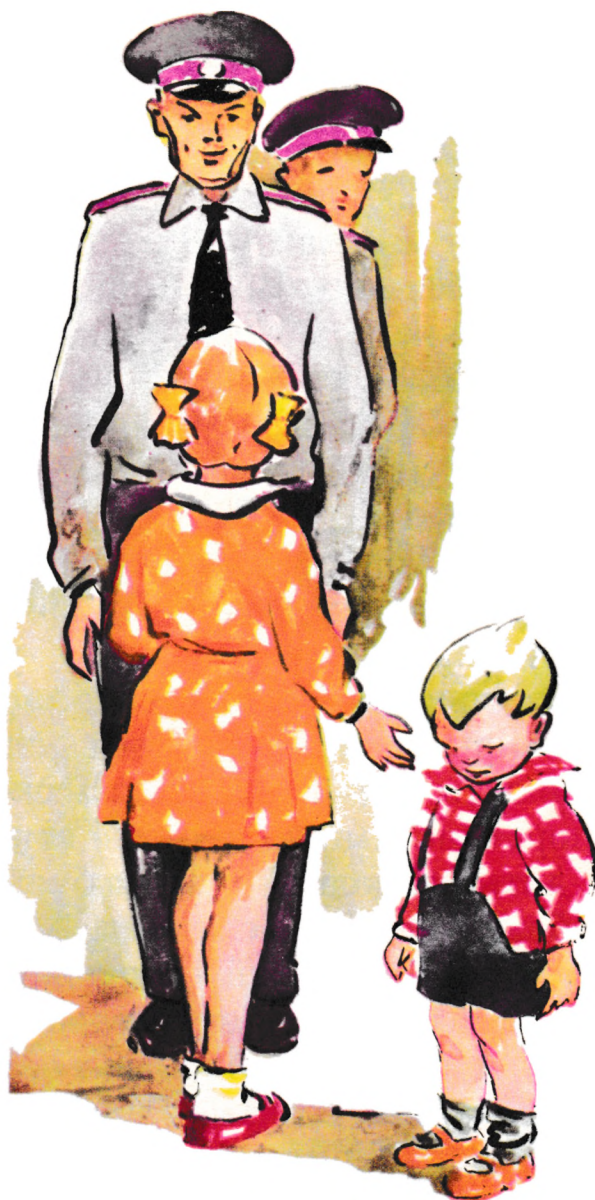
— Со-ло-ма-кин. Так! Сейчас высылаем наряд...

Я хотела сказать: зачем мне наряд, мне дедушку нужно, но в трубке уже запикали короткие гудки.

Минут через десять стучат. Открываю дверь — на пороге два милиционера.

— Кто это,— спрашивают,— у вас тут общественный порядок нарушает?

— Никто! — говорю.

— Как никто? А в милицию от вас звонили, требовали успокоить буяна.

Тут только поняла я в чём дело: дедушка напутал с телефоном. Рассказала я всё по порядку милиционерам, посмеялись они, однако велели привести в коридор Витьку.

— Так-так, гражданин Соломакин,— сказал высокий милиционер строго.— Это что же получается? Взрослый человек, а вести себя культурно не умеешь: сестрёнку не слушаешь, буянишь и вообще... со спущенным чулком по квартире ходишь. Нехорошо! Придётся с тебя торжественное обещание взять — впредь порядок в доме не нарушать.

Дал им Витька торжественное обещание, они приложили руки к козырькам фуражек и ушли. И сразу наступила в квартире тишина: исправился Витька. До самого прихода дедушки вертелся он возле трюмо и отдавал сам себе честь. По крайней мере, не мешал мне уроки готовить.

А когда вернулся дедушка, я ему и говорю: вот что и вот что получилось из-за твоей забывчивости. Схватился он за голову.

— Господи,— говорит,— раньше «Евгения Онегина» наизусть знал, а теперь четыре цифры запомнить не могу.

Просил меня никому про этот случай не рассказывать — не дай бог, до бабушки, говорит, дойдёт... Я-то не скажу, потому что умею держать язык за зубами. Лишь бы вы не проболтались!

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ДВА МОРЯ

Рассказывает сама Оляпка

Часто ребята спрашивают меня, почему моя книжка выходит в Перми, разве я там живу? Я расскажу вам одну историю, и вы сами всё поймёте.

1. У трёх водопадов

Когда есть хочется, всегда бывает так холодно! Я ведь, вы знаете, и в ледяной воде не мёрзну, а вот страшно зябну, если нечего есть. Никогда не забывайте ставить зимой кормушки для нас,

для птиц, и сами не уходите бегать на улицу не поевши. Это я вам точно говорю!

Однажды ударил сильный мороз, застыли все проруби, все полыньи. Я нигде не могла порыбачить. Было голодно и очень-очень зябко. Я облетела все знакомые речки, ручейки и ключи, но нигде не смогла хотя бы разик нырнуть на дно. В поисках пищи я забралась далеко в незнакомые края, перелетала вдоль большой замёрзшей реки.

И вдруг — что за чудо? — поперёк реки от берега к берегу стоит стена, и с неё льётся целых три водопада, да таких больших, каких я ещё никогда не видела! Не раздумывая, я нырнула в один, пробежала по какому-то сплошь каменному дну — и вынырнула с рыбёшкой! Несколько раз я прыгала в водопад, пока не наелась и не согрелась. Потом стала бегать по краю огромной полыньи, которая была около водопадов, чирикать и веселиться.

А недалеко от меня возле маленькой проруби-лунки, нахохлившись от мороза, сидел рыбак и тихонько подёргивал коротенькое удилище. Этим делом он так был занят, что меня, похоже, даже и не заметил.

Смотрите, какой! Можно подумать, что оляпки здесь так же часто бывают, как обыкновенные воробьи. Я даже чуточку обиделась на него и решила поозорничать.

Тихонечко я поднырнула к его удочке и — цап! — склюнула червяка с крючка. Потом дёрнула три раза клювом за леску, вынырнула и стала смотреть.

Рыбак быстро-быстро вытащил леску. Потом глянул на пустой крючок, вздохнул и стал насаживать нового червяка. Лишь только он опустил удочку в лунку, я снова нырнула и снова сняла насадку. Так я делала раз пять или шесть и до того разбаловалась, что забыла

обо всём. Но один раз только-только потянула я клювом лесу, как рыбак дёрнул удочку, крючок зацепился за мои пёрышки, и не успела я опомниться, как он меня вытащил из лунки на лёд.

Увидев меня, от изумления рыбак заговорил птичьим голосом:

— Кто ты?

— Я оляпка. Разве не видно?

— А как ты очутилась подо льдом?

— Так я же оляпка, водяной воробей!

— Припоминаю, припоминаю... Но как ты попала ко мне на крючок?

Мне стало стыдно за свои проделки, и я промолчала.

— Ага, понимаю. Так это ты обрывала моих червей? Вот, видишь, как... Я же мог тебя поранить крючком.

Он взял меня в большие и тёплые ладони, отцепил крючок, расправил и погладил мои пёрышки.

— Я унесу тебя домой.

— Нет!

— Но ты же замёрзнешь! Такие холода...

— Нет, нет, нет! — отчаянно зачирикала я.

— Ну, хорошо. — Он отпустил меня, и я спрыгнула на лёд. Из маленького своего улова он дал мне двух ёршиков, и я совсем перестала его бояться.

Так я подружилась с дядей Андреем. Он каждый день приходил рыбачить к полынье и всегда делился со мной вкусной рыбой. Он был очень добрый и очень весёлый — я таких люблю, — хорошо понимал по-птичьи и знал много интересного. Потому что дядя Андрей писатель. Он и рассказал мне, что это за стена поперёк реки.

Рассказ дяди Андрея смотрите дальше, на странице 56.

Весёлый футболист

Нарисовала Оляпка несколько цифр на одном и том же месте. И у неё получился рисунок футболиста. Из каких цифр он состоит?

Наум Хаунен

Томочка-потомочка

Солнышко давно взошло.
В комнате совсем светло.
Время Томочке вставать,
Застелить пора кровать.
Но лежит она пластом.
«Лучше встану я потом», —
Отмахнулась Томочка,
Томочка-потомочка.
На прогулке детвора.
«Томочка! Гулять пора», —
Девочке дают совет.
Хнычет Томочка в ответ:
«Я немножко обожду.
Я потом гулять пойду!»
Киснет дома Томочка,
Томочка-потомочка.
Томочку попросит мать
Поскорей метёлку взять,
Чтобы не было в углу
Ни соринки на полу.

Отвечает дочь: «Потом,
Будет время — подметём».
Копит мусор Томочка,
Томочка-потомочка.
Все садятся за обед,
За столом её лишь нет.
И твердит одно она,
Хоть давно уж голодна:
«Что мне делать за столом?
Пообедаю потом».
Гложет корку Томочка,
Томочка-потомочка.
Перед Томочкой тетрадь —
Нужно дом нарисовать.
Карандаш взяла, рукой
Провела разок-другой...
Есть труба... А где же дом?
Встала Томочка: «Потом...»
Не рисует Томочка,
Томочка-потомочка.

Татьяна Чернова

Как исчез король

Жил в нашем доме король. Ещё не старый — девять лет недавно стукнуло. Но возраст тут ни при чём: король он был настоящий.

Правда, королевство у него было небольшое — сорок два квадратных метра, да и слуг маловато: бабка с дедом да ещё одна бабка на другом конце города. Но для современного короля вполне хватало. Вторая бабка хоть и на расстоянии жила, а служила отлично: что ни захочет Его Величество, что ни потре-

бует — всё сама купит и сама привезёт. А подарки не ко дню рождения или, скажем, на Первое мая приносила, а просто так, чуть не каждый день.

Бабка с дедкой — те, что с королями жили, — в бога не верили, но молились... на Его Величество. Они его и умывали, и купали, и кормили.

Вздумает король погулять — бабка ему ботинки напялит, а дед санки с лестницы спустит. Даже на улице король не расставался со своей свитой: дед санки везёт, а бабка сзади идёт. Попробуй подступись к нему при такой охране!

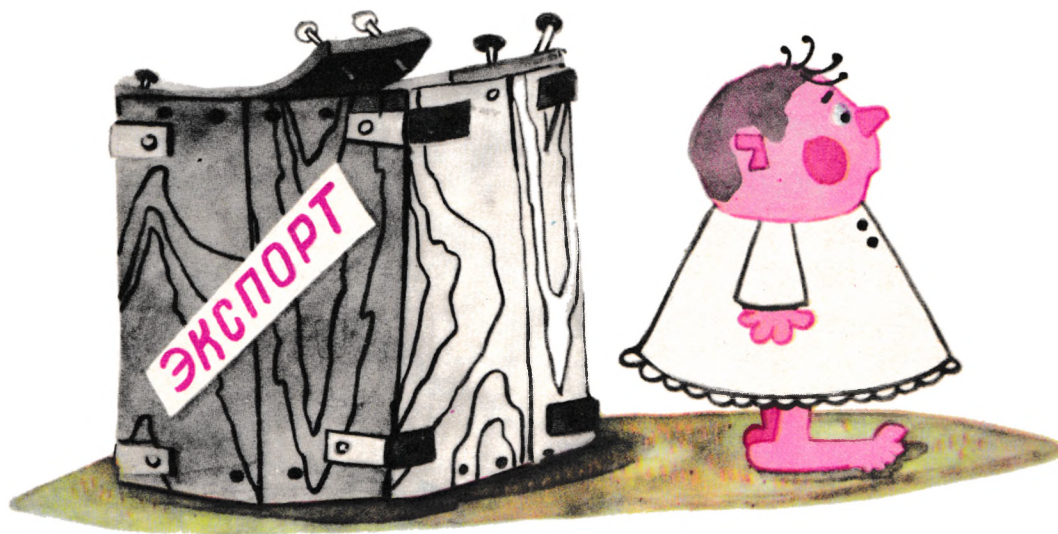
И всё-таки король был свергнут.

Однажды он... исчез из собственного королевства из-под пухового одеяла, исчез... почти голый. Он был захвачен в плен. Его Величество стоял жалкий, беспомощный. Стоял... и ждал расстрела.

Король, оказывается, знал историю...

Но расстреливать его никто не стал. Короля ждало другое: большой ящик со странной надписью: «Экспорт».

— Что э-э-это? — Король стал зайкой не то от холода, не то от испуга.

— Это значит, что мы тебя отправляем за границу. Можешь ехать в любое государство, где ещё сохранились живые короли.

— Но я же не настоящий...— продолжал заикаться король.

— А кто тебя знает.

— А вы... испытайте... завтра...

Но испытание состоялось тут же.

Сначала королю было предложено подтянуться десять раз на перекладине пожарной лестницы. Его Величество не смог... ни одного.

Потом он должен был пройти по буму. Но гадкое гладкое бревно не могло удержать Его Величество. Короля явно тянуло к земле...

Через забор он лезть вообще отказался.

— Дворник увидит.

— А ты что, убежать от него не сумеешь?

И тут в глазах Его Величества зажёгся огонёк надежды.

— Убежать?

Как вы знаете, король знал историю... А в истории королям то и дело приходилось убегать: то от своих врагов, то от своего народа.

И король побежал!

Он бежал так быстро, словно за ним гналась целая армия.

Дома король сначала долго не мог отдышаться: ведь он бежал без предварительной тренировки. А потом долго не мог уснуть от волнений: ведь свергают королей тоже не каждый день...

Поздно ночью в дверь постучали:

— Ваше Величество, получите билет.

— Но я никуда не собираюсь ехать! Куда билет?

— В Лихтенштейн.

Его Величество от радости захлопал в ладоши: как он мог забыть об этом удивительном княжестве! Конечно же, он едет в Лихтенштейн! Там ему будет хорошо.

...Маленькое княжество
было в трауре.

— Неужели ваш князь
умер? — с надеждой спросил
король.

— Нет.

— А зачем же тогда
траур?

— Вчера наш князь осра-
мился перед всем государ-
ством, — тихо шепнул двор-
ник королю. — Подумать
только — он не сумел побе-
дить простого парня!

Тогда Его Величество поехал в другое маленькое королевство — Андору.

Ровно через пять минут после прибытия в эту страну в гостиницу пришла делегация.

— Мы слышали, что у нас появился ещё один король.

— Да.

— Но нам не нужен король. Нам нужен пастух.

Третья страна, куда приехал наш король, была Монако.

— Вам нужен король?— спросил Его Величество первого встречного.

— Что вы...— засмеялся прохожий.— От своего не знаем, как избавиться!

— А где ваш король сейчас?

— На тренировочной площадке. Учится бегать. Того и гляди — придётся удирать: времена такие...

Король вздохнул... и проснулся.

Проснулся в своём маленьком государстве, которое меньше, чем Лихтенштейн и Андора, и даже меньше, чем Монако...

В тот день на нашем дворе прибавилось на одного мальчишку.

А король...

Король исчез.

Путешествие за два моря

2. Что рассказал дядя Андрей

— Эта стена поперёк реки называется плотиной. А сделали её для того, чтобы перегородить реку и накопить много-много воды. Тогда за плотиной вода поднимется выше, чем перед ней. По-научному вся вода за плотиной называется верхний бьеф.

— Бьеф, бьеф, бьеф,— три раза прочирикала я, чтобы запомнить.

— Да... Там вода никуда не течёт, копится, и река за плотиной разливается широко-широко. Потому эта часть реки называется водохранилище или даже море.

— Как интересно! Я никогда не была на море!

— погоди, не перебивай.

— А там вода солёная?

— Нет, обыкновенная, пресная. Это речное море. Слушай дальше. Вот там, за плотиной, вода на целых двадцать метров выше, чем здесь. Если пропустить её через специальные отверстия в плотине, она будет падать с огромной силой...

— Поэтому и водопады? — догадалась я.

— Правильно. А если на её пути поставить колёса с лопатками-лопастями — турбины, вода начнёт их вращать.

— Это как на водяных мельницах, правда?

— Смотри-ка, ты, оказывается, кое-что знаешь! Правда. Только здесь сила воды нужна не для того, чтобы крутить жернова и молоть муку, а чтобы вырабатывать электрический ток.

— Ток, ток, ток! — повторила я.

— А электрический ток приводит в действие станки и машины, благодаря ему движутся трамваи и электровозы, светят лампочки, работают телефоны и телевизоры.

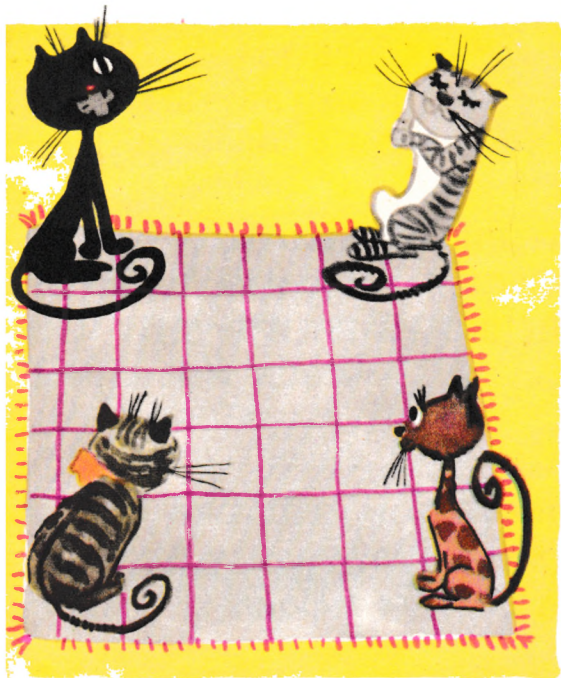
Вот эта вот — плотина Камской ГЭС, Камской гидроэлектростанции. Гидроэлектростанциями и называются те станции, которые вырабатывают ток с помощью падающей воды. За плотиной — Камское море, а ниже по Каме — ещё одно, Воткинское и Воткинская ГЭС. А всего их будет на нашей реке четыре. Недалеко от того места, где наша Кама впадает в Волгу, уже строится Нижнекамская ГЭС, а вверх по реке скоро начнётся строительство Соликамской — возле города Соликамска. Таких ГЭС у нас в стране очень много. Две огромные на Волге: Куйбышевская и Волгоградская. И на Енисее — Красноярская и знаменитая Братская на Ангаре...

— Хватит, дядя Андрей, хватит! А то я всего не запомню.

— А ты ведь можешь всё сама посмотреть. У тебя крылья — лети, сколько хочешь. Вот будет тепло...

И тогда я решила снова отправиться в далёкое путешествие.

Что было дальше — читайте на странице 72.

КОШКИ И ШАШКИ

Ещё одну задачу задала Оляпка второкласснику Пете.

— В комнате четыре угла. В каждом углу сидят кошки. Напротив каждой кошки по три кошки. Сколько всего кошек в комнате?

— Совсем лёгкая задача,— сказал Петя.— Мы во втором классе трудней решаем. Ты вот мою реши.

Он нарисовал шесть шашек.

— Как разместить эти шашки в три ряда, чтобы в каждом ряду было по три шашки?

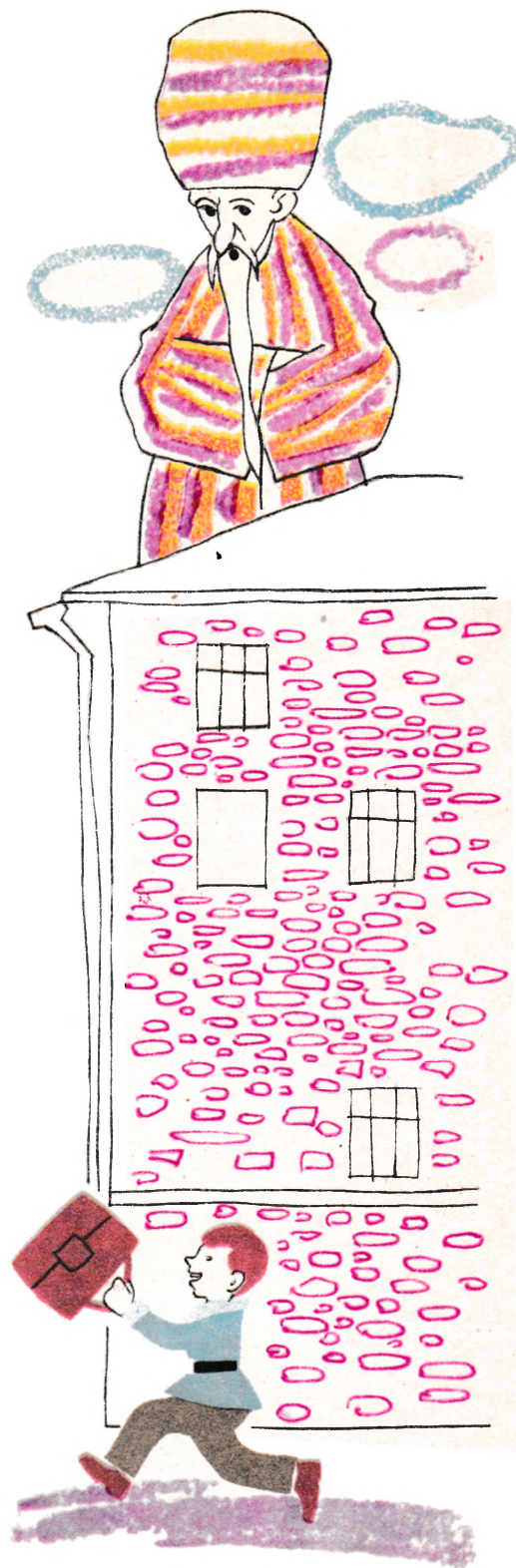
Как?

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

И ни в море, и ни в поле,
Ни за чащей, ни за тучей,
А в Перми, в начальной школе,
Был такой вот странный случай.
Чемпион по сну и лени
Ученик Сергей Квашнин
Закричал на перемене:
— Я желаю жить один!
Все меня, Серёгу, мучат...
Дома — шею мыть велят,
На уроке — счёту учат
Сорок пять минут подряд.
А ученье мне постыло,
Мыться тоже ни к чему...
Ах, куда бы лучше было
Жить на свете одному!
Эту жалобу услышал
Хромоногий старый джин.
Он давно под школьной крышей
В темноте чердачной жил.
Он давно уже не делал
Даже простеньких чудес,
Но на крик Серёги смело
С чердака на землю слез.

Он покашлял и побрякал,
Сыпнул чем-то из горстей
И куда-то сразу спрятал
Всех — и взрослых, и детей!
На земле людей не стало.
На земле теперь один
Жить остался глупый малый
Вечный двоечник Квашнин.
Лодырь празднует победу,
Пляшет в классе трепака.
— Я сейчас домой поеду,
Пообедаю слегка,
А потом портфель заброшу —
Ни к чему он всё равно!
О таких деньках хороших
Я мечтал давным-давно.
И, как медный таз сияя,
Вот уже за школой ждёт
Лодырь пятого трамвая,
А трамвай-то не идёт!
Не придёт он, если даже
Целый год тут ожидай.
Ведь людей-то нет! А как же
Без людей пойдёт трамвай?
Потоптался наш Серёга,
Поплевал на рельс прямой:
— Ну и пусть! Меня и ноги
Донесут к себе домой!
И, пока что всем доволен,
Входит в дом он... Где ж обед?
А обед не приготовлен —
Папы с мамой дома нет.
Нет ни бабки, ни сестрёнок...

Дома пусто, дома тишь;
Лишь в углу грустит котёнок,
Да шуршит под поломмышь,
Да бурчит живот Серёгин.
Тихо требуя еды...
Но храбрится наш Серёга:
— Это всё лишь полбеда!
Парню хныкать не пристало.
Побегу сейчас в кино,
Там в буфете до отвала
Я наемся эскимо!
И по улицам пустынным
Он в кино бежит, и вот
Перед ним
Зал длинный-длинный,
В зале дверь с табличкой «ВХОД».
И никто в дверях не просит:
«Предъявите ваш билет!»
И никто в дверях не спросит:
«Вам, товарищ, сколько лет?»
Заходи! Броди до ночи
И глазей по сторонам...
Заходи в буфет, а хочешь —
Садись в кресло под экран!
И Квашнин голодный прытко
Поначалу мчит в буфет.
Но в буфете всё закрыто —
Ведь буфетчицы-то нет!
Да и в зале на экране
Никакого нет кино:
Без механиков не станет
Никогда идти оно.
Взвыл Серёга с горя басом:

— Милый джинчик! Чудодей!
Я уж больше не согласен
Жить на свете без людей!
Поколдуй скорей обратно:
Ведь тебе и самому
Жить, наверно, неприятно
В целом свете одному!
Джин Серёге ни полслова...
Но, без всяких без затей,
Возвратил на землю снова
Всех — и взрослых, и детей.
И на улице забили
Вновь трамвайные звонки,
И пошли автомобили
По шоссе вперегонки,
И стрела большого крана
Вновь над стройкой поплыла.
И опять Серёгу мама
Утром в ванну позвала...
Только он теперь без спору
Вымыл шею и лицо
И в назначенную пору
Снова вышел на крыльцо,
И с портфелем, книжек полным,
Лень свою забыв навек,
В класс отправился просторный,
Как серьёзный человек.

Борис Ширшов

Корзина-машина

Рассказ

Мы с приятелем Костей уговорились сходить в дальний лес за малиной.

Июльским утром я ждал Костю на завалинке нашей избы. Солнце только вставало, деревня ещё спала.

На пустынной улице всё видно. Поэтому я издалека приметил парнишку в красной рубашке, в закатанных до колен штанах. Это был Костя.

Двигался он медленно, потому что нёс большую плетёную корзину. Она чуть не волочилась по земле, мешала Косте шагать. Он часто перекладывал её из одной руки в другую.

Эта корзина-машина была мне знакома давно. С нею мать Кости ходила на реку полоскать бельё.

Я удивился: к чему Костя взял такую неудобную корзину? С нею и передвигаться по лесу трудно — застревать в кустах будет, да и тяжела она. Неужели Костю жадность одолела?

Мы давно подметили, что он всегда норовит взять для себя побольше.

Пойдём, бывало, на рыбалку. У всех ребят на удочках маленькие крючки, а Костя привяжет самый большой. Думает, что на крупный крючок и рыба огромная клюнет. Советуют ему ребята: смени крючок, в нашей речке только малявки ловятся. Пугаются они большого крючка. Никого не слушает Костя, делает по-своему. Ну, конечно, у всех ребят — улов, а у Кости нет ничего.

Или вот ещё такой случай был. Играл наш пятый класс «а» с командой пятого «б» в городки. Костя притащил на городошную площадку толстенные и длинные палки — биты. Сам из старой оглобли их смастерил. Я, говорит, только ими играть буду. Такой палкой как ударишь, так все фигуры одним махом с кона вышибешь! Настала очередь Кости бить по фигурам. Встал на черту, размахнулся что есть силы, кинул. А палка даже до середины площадки не долетела. Разве такую добросишь? Так все четыре биты Костя бросил впустую. Проиграли мы тогда пятому «б».

Поэтому сейчас, когда увидел в Костиных руках бельевую корзину, встретил я Костю насмешливо:

— Ты что, на реку собрался, бельё полоскать?

Костя лихо сдвинул кепку на затылок, хитро улыбнулся и похвастал:

— Корзина у меня — что надо! Из большой не выпадет!

Потом всю дорогу до леса Костя, подпрыгивая, напевал:

Из большой не выпадет!

Из большой не выпадет!

Мне эта припевка его даже надоела, я в лесу ушёл от Кости в сторону.

Малины повсюду было много. Я не спешил собирать её. Оставлю свой берестяной туес где-нибудь на чистом

месте, на поляне, а сам заберусь в заросли и ем на выбор самые спелые ягоды.

До чего же они сладкие и сочные!

Времени до вечера достаточно, успею ещё и туес набрать.

Костя бродил где-то неподалёку. Я слышал громкий хруст веток, должно быть, мой друг со своей корзиной-

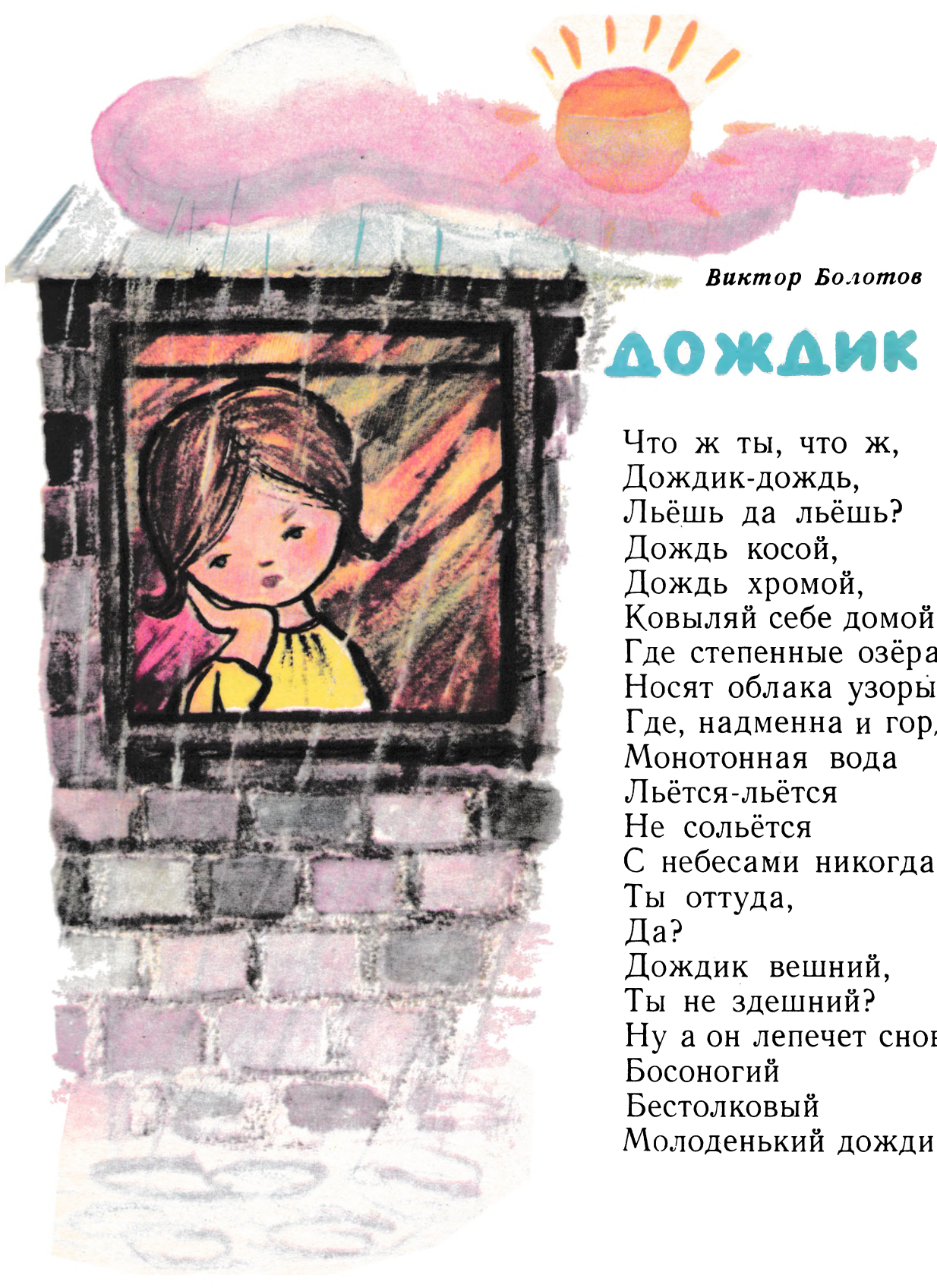
махиной по-медвежьи лазил по малиннику. Иногда слышалась его песенка:

Из большой не выпадет!
Из большой не выпадет!

С пустым туесом я забрался в такие дремучие кусты, что и пошевелиться в них трудно. От малины вокруг красным-красно. Вот где собирать её надо! Я открыл туес, и на дно его посыпалась отборная — ягодка к ягодке — малина. Забираясь всё глубже и глубже, я услышал какое-то глуховатое и тревожное гудение. Так гудит самая толстая гитарная струна, если её сильно оттянуть пальцем и отпустить. Одной рукой прижимая к груди туес, другой оберегая глаза от веток, я опрометью выскочил из малинника на просеку.

И хорошо сделал. В кустах скрывалось осиное гнездо. Я потревожил ос, они загудели. Не удери я вовремя, ох и крепко бы мне досталось! Осиных гнёзд даже медведи боятся.

A colorful illustration on the left side of the page. It depicts a girl with short brown hair, wearing a yellow shirt, looking out of a window. The window is framed by a dark, textured border. Above the window, there is a large, stylized sun with orange rays and a pink, fluffy cloud. The background of the illustration is a mix of pink, orange, and grey tones.

Виктор Болотов

ДОЖДИК

Что ж ты, что ж,
Дождик-дождь,
Льёшь да льёшь?
Дождь косой,
Дождь хромой,
Ковыляй себе домой,
Где степенные озёра
Носят облака узоры,
Где, надменна и горда,
Монотонная вода
Льётся-льётся
Не сольётся
С небесами никогда.
Ты оттуда,
Да?
Дождик вешний,
Ты не здешний?
Ну а он лепечет снова —
Босоногий
Бестолковый
Молоденький дождик!

Арнольд Ожегов

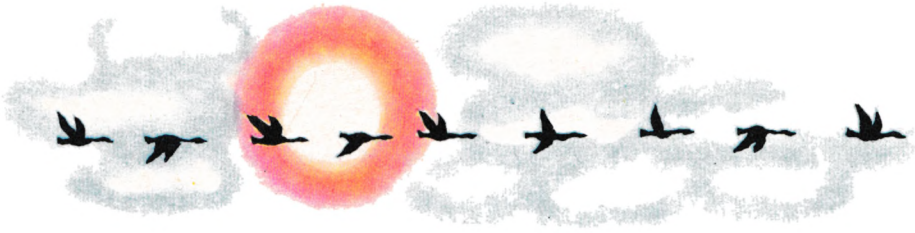
Куда улетают листья

Рассказ

Несколько дней подряд шёл дождь. Взрослые уходили на работу, а Максимка с собакой Дурашкой оставались дома. Собака была вялая, никак не хотела играть. Послоняется из угла в угол, потом закружится на одном месте вокруг своего хвоста и, тяжело вздохнув, завалится спать. И ещё глаза завесит длинной мохнатой челкой.

Дождило и с утра в воскресенье. Но было ветрено.

Небо походило на старую тряпку, которой моют пол. Такое же мокрое и заношенное.

И вот ветер, наконец, справился с тучами, разорвал их в одном месте, в другом. А потом как налетел, да как начал трепать, да как погнал их прочь!.. И сразу на вымытой земле стало празднично. Во всё небушко засияло солнце. Засверкало оно и в колеях дороги, полных воды, и на огороде, в лунках от выкопанной картошки, и даже в летящих по ветру мокрых жёлтых листьях.

Максимка и Максимкин папа засобирались на улицу. Заслышав оживлённый топот резиновых сапог, выползла откуда-то Дурашка. Умильно поблёскивая глазами, скалилась, будто улыбалась, и виляла коротким лохматым хвостом.

Всей гурьбой отправились они через огород, поперёк луж, к лесу.

Последние лохмотья туч висели на дальних холмах и сушились на солнышке.

Высоко-высоко в небе пролетела стая каких-то птиц. Птицы летели в тёплые края. Максимка взял наизготовку деревянный автомат.

«Тр-р-р-р!» — прозвучала автоматная очередь.

— Не попал, — сокрушённо сказал Максимка.

— У тебя, наверно, патроны холостые, — предположил Максимкин папа.

— Да нет, кажется, женатые заряжал.

Максимкин папа повалился на мокрую траву, стал хохотать и дрыгать ногами так, что штанины вылезли из

высоких голенищ. На папу налетела Дурашка и начала его понарошку кусать. Максимке тоже стало смешно, потому что он увидел голые папины коленки.

В лесу много всяких деревьев, но сегодня самые заметные — берёзы и осины. На берёзах листья нежные, бледные, сразу видно — взаправду умерли. На осинах листья покрепче. Внизу, куда не достаёт ветер, они тоже жёлтые, повыше начинают румяниться, а на макушке, на холодном ветру, горят крепким румянцем. Ёлок тоже много, но их лапы сверху донизу усыпаны цветными листками. Потому и кажется, что в лесу одни берёзы да осины.

Носится, шурша нападавшими листьями, Дурашка и вдруг замрёт, как вкопанная. Из-под белой лохматой чёлки весело и отчаянно блестят её чёрные глазёнки.

Максимка шагает широко, как папа, и поёт только что сочинённую песню:

Жил забор у огорода...

— А дальше?— спрашивает папа.

— Чего дальше? Всё.

— Очень уж короткая песня.

— Она не короткая, а скучная. Потому что забор скучный.

Какое-то время Максимка шагал молча, а потом опять запел:

Медведи поют,
Ёлки качаются,
Ая-я-ям,
Берёзы,
Высокая трава.

И всё летели и летели в одну сторону, по ветру, берёзовые и осиновые листья.

Жёлтые листья

Улетают,—
пел Максимка,—

Туру-ру-ру,
В зелёные края.

Жёлтые листья улетают в зелёные края...

Это была хорошая песня. Хороший был лес. Хороший был день. После дождей всегда бывают хорошие, солнечные дни.

Алексей Домнин

ХРУСТИНКИ

Звенят-поют хрустинки —
Молоденькие льдинки,
По лужам,

лужам,

лужицам

Малыш чумазый кружится.
Хрустит ледок непрочный,
Искрится в каплях радужных.
Малыш до слёз хохочет
От невозможной радости,
От гомона скворечного,
От солнышка заречного!
Хохочет он и кружится —
Такое утро вкусное,
И льдинки в алых лужицах,
Как ломтики арбузные!

Путешествие за два моря

3. Там, где реки потекут вспять

Дядя Андрей, наверно, думал, что я подожду до весны. Но мне не терпелось, и я полетела, как только кончились морозы.

Сначала я полетела на Воткинскую ГЭС, в новый город Чайковский.

Здесь обывательские воробы важничали невероятно. К ним прилетели их соседи из недавно ещё тихого села Набережные Челны, где строится Нижнекамская ГЭС, и даже воробы из Соликамска! За опытом. Тихих нижнекамских воробьёв интересовал вопрос: можно ли клевать бетонный раствор — в Набережных Челнах скоро начнутся бетонные работы. Соли-

камцы интересовались, опасно или нет садиться на провода высокого напряжения. Чайковские воробы прямо все издавались. Кроме всего прочего, ещё и потому, что город их назван так в честь знаменитого композитора Петра Ильича Чайковского, который родился недалеко

отсюда — в городе Воткинске: иначе как по нотам они и не чирикали. Пришлось нырнуть пару раз в водопад-водосброс, чтобы они почувствовали, с кем имеют дело.

Но это всё пустяки. От соликамских воробьёв я услышала такое! Правда, они сами толком ничего не знали — слышали от сорок, но это так меня заинтересовало, что я тут же полетела обратно, через два моря, Воткинское и Камское, далеко на север Пермской области, к маленькой речке Кельтме.

Последнюю часть пути я летела тайгой, изголодалась, устала, а потом и совсем выбилась из сил. Захотелось спать. Я села прямо на снег и закрыла глаза...

Очнулась я оттого, что вдруг стало тепло. Меня держал в больших, горячих ладонях бородатый человек, дышал на меня и говорил:

— Эх ты, бедная птаха. Замёрзла совсем...

Я пискнула и завертела головой, чтобы осмотреться.

— Живая? Ну, молодец!.. Сейчас мы...

Но тут я увидела свежую прорубь. Мне так захотелось есть, что я сразу — туда. Поймала жучка, вынырнула. Над самой прорубью стоит тот, бородатый, широко открыв глаза.

— И опять живая! Ну и птаха! Откуда взялась ты тут такая? В этой глухомани и птиц-то нет.

— А вы здесь откуда взялись?

— Ну — я. Я тут работаю.

И бородатый человек рассказал мне как раз о том, для чего я сюда и летела. Не соврали соликамские воробьи. Здесь люди ищут дорогу для нового канала — так называются искусственные реки. По этому каналу вода из больших северных рек Печоры и Вычегды потечёт в Каму, а по ней — в Волгу и дальше в Каспийское

море. Кама и Волга станут многоводнее, сильнее будут работать все ГЭС, которые построены на них, а Каспийское море, которое сейчас высыхает, перестанет мелеть: больше в нём будет рыбы, лучше станет ходить судам.

Вот какие большие дела делаются в одном только прикамском крае!

В одну ту зиму я узнала столько много интересного, и так мне это понравилось, что с тех пор самым моим любимым занятием стало путешествовать. Обо всём, что я видела, в одной книжке ни за что не рассказать. Но где бы я ни бывала, каждый год я обязательно прилетаю в полюбившееся мне Прикамье, и мы с дядей Андреем и его товарищами-писателями делаем мою книжку для вас.

Оляпкины рассказы записал Роберт Белов.

Геннадий Солодников

ФЕДЮНИНА ГОРКА

Рассказ

Бабка давай вдруг нахваливать Федюню. Дескать, самый смыслёный он, самый домовитый парнишка в деревне. Она открыла свой сундучок и достала гостинец — кулёк леденцов.

— Я на часок-другой к соседке сбегаю. Ты, золотко, один подомовничай. Ведь взрослый, поди...

Уже на ходу, в притворе, проговорила так и скрылась. Глухо звякнула щеколда на воротах.

К леденцам Федюня не притронулся. Ему не верилось, что бабка ушла и он теперь совсем один. Он постоял посреди комнаты, заглянул на кухню, прошёл в

угол и уткнулся в окно. Подышал на льдистое стекло, поскрипел по нему пальцем и долго смотрел на улицу. Потом ещё раз обошёл избу и стал собираться.

Разношенные, прошитые побелевшей дратвой валенки он натянул на шерстяные носки, чтобы не хлябала нога. Надел вислоухую шапку. Пальтишко застегнул на все пуговицы и поверх ещё подпоясался ремешком: задуть не будет. Руки упрятал в рукавицы-шубенки, новенькие — бабка на днях сшила из лоскутины от старого тулупа. Подражая отцу, похлопал себя по груди и боком шагнул за порог.

Сначала он ничего не мог разглядеть. Потом привык к сумраку и полез под чердачную лестницу. Выволок оттуда две большущие лыжины и тяжело вздохнул.

Васькины это лыжи. У Федюни никаких нет. Пройдёт год да ещё немножко, тогда его примут в школу. А Васька уже седьмую зиму ходит. Из разговоров отца с матерью понял Федюня: вот станет школьником, и ему лыжи купят. «Чтобы не на один год. На вырост, как Ваське», — объяснял отец.

«Эх! Чего им стоит — купили бы раньше». Федюня опять шумно вздохнул и отворил дверь на крыльцо.

Глаза резанул белый-белый свет. В горле запершило, словно туда попала горстка колючих снежинок. Всё вокруг сверкало и дымилось. Над избами, над печными трубами, стояли белые прямые столбы. Глухая тесовая ограда сухо потрескивала. Деревянные мостки тоненько повизгивали под ногами.

Кольцо щеколды было очень высоко. Федюня только сейчас заметил это. Он ни разу не выходил один со двора.

Федюня стоял с поднятой рукой, пока она не устала. Тогда он прыгнул. Ещё раз и ещё. Не дотянулся ни до кольца, ни до носика-уточки, за который заскочила

шеколда. Поёживаясь, он начал хлопать себя по бокам, нагнул голову. И увидел лыжи.

Обрадованный, Федюня подхватил их за ремённые петли, поддел щеколду и перевалился через высокую подворотню. Простуженно всхрипнув, ворота наглухо захлопнулись за ним: Идти было нелегко. Лыжины болтались в руках крест-накрест. Носок левой перетягивал, врезался в снег, и Федюня часто спотыкался. Тогда он повернул их и заторопился было дальше. Но теперь правая лыжина с маху упёрлась запятником в закраину тропинки. Федюня упал и больно ударился локтем.

На глазах у него навернулись слёзы. Он протяжно засопел и часто-часто

захлопал ресницами, удивлённо глядя на непослушные лыжи. Они лежали носками к дому, словно хотели удрать обратно. Федюня даже пнул их. Потом присел перед ними на корточки. Он гладил их и вертел с боку на бок. Выпрямился, неумело присвистнул и повернул только одну лыжину.

Уже не глядя под ноги, Федюня деловито шагал по переулку. Позади него волочились концами лыжи: правая — запятником, левая — носком.

Из-за кромки зубчатого забора на него косилось низкое солнце. Широколищье и багровое на стуже, оно заглядывало в самые глаза, словно спрашивало: «А ну-ка, что это ты удумал?»

Горка была пустынной и тихой. У подножия, на корявой сосне, нахохлившись, сидела сорока. Она даже не пошевелилась, когда Федюня проходил мимо. Да и он не задержался возле неё, а стал подниматься по укатанному склону.

Когда Федюня бывал здесь с братом, он забывал про свои санки и подолгу с завистью смотрел, как лихо скатываются с горы лыжники. Единственный раз он не выдержал и несмело попросил у Васьки прокатиться. Но тот оглянулся на своих дружков, фасонисто сплюнул.

— Что ты, пузырь! Тебе одной такой лыжины лишка!

И с гиканьем умчался вниз. А Федюня остался один, совсем один, хотя вокруг по-прежнему смеялись и кричали ребята...

На самой макушке Федюня положил лыжи рядышком и с размаху сунул ногу в петлю. Валенки прошёл свободно, и след-резинка осталась позади. Подошва сразу же соскользнула с неудобной бугристой лыжины.

Он попробовал ещё раз, но петли были чересчур велики.

Отвернувшись от горы, Федюня тоскливо посмотрел на видневшийся в глубине ограда дом. Неужели сорвалась вся затея и придётся возвращаться? Ему стало холодно, защипало щёки и глаза. Он зашмыгал носом, снял шубенку и стал сильно тереть ладонью лицо.

Рукавица упала на лыжину, на резиновый след. Федюня нагнулся, но не поднял её, а стал разглядывать, как будто впервые увидел, какая она мягкая, толстая. Вместо того чтобы надеть шубенку на руку, он продел её в петлю, расправил вдоль ремня и аккуратно подсунул носок валенка. Теперь подошва прочно встала на рубчатую резину.

Сделав несколько осторожных шажков, Федюня глянул вниз. Гора показалась ему крутой. Лыжня терялась из виду далеко-далеко. Перед глазами густо искрились снежинки, и сосна проглядывала сквозь них толстобоклой копной.

Федюня переминался с ноги на ногу, зябко передёргивал плечами и никак не мог решиться. А голые руки его стыли всё сильнее и сильнее, и вот уже больно закололо кончики пальцев. Он на секунду зажмурился и сделал последние два шага.

Ему казалось, что он летит. Встречный ветер высек слёзы. Всё вокруг слилось в сплошную мутную пелену. Федюня катился, растопылив руки и смешно взмахивая ими.

В самом низу лыжи пошли в разные стороны, и Федюня приготовился падать. Он и вправду не удержался, но не упал, а лишь ткнулся ладонями в обжигающий наст. Мигом выпрямился и протёр глаза.

Кругом было пусто и тихо. Ни привычных ребячьих криков, ни смеха. Только сорока, сыпнув снежной пылью, качнулась на ветке и с любопытством завертела

головой. Федюня поднял к ней покрасневшее лицо и срывающимся голосом крикнул:

— Я с горы съехал! Сам!

Опять посыпалась белая пыль. Сорока встрепенулась, взмахнула крыльями и полетела низко над огородами в деревню. Она громко стрекотала, словно торопилась рассказать что-то.

Федюня глянул ей вслед, отряхнул рукавицы и натянул их на непослушные пальцы. Несколько раз он сильно ударил рука об руку, притопывая, покружился на месте, развернул лыжи и направился к дому.

Виктор Попов

НА ГОРКЕ

Сани мчались бойко
По дорожке с горки.
А на санках едет
Маленький Егорка.

Без Егорки санки
Мчатся по дороге.
Чьи там из сугроба
Выставились ноги?

Василий Бирюков

Валенька

Ведёрко с водою
Валюша несёт.
С водой
родниковой,
холодной,
как лёд.
Братишка
кричит ей:
— Под ноги гляди!

А мама:
— Не бойся!
Смелее иди.
Смеётся Валюша:
— А я
не боюсь...
Я
за ведёрко
иду...
и держусь.

АлЁШКИН ГУСЬ

Андрей Ромашов

Только-только взошло солнце. Пахло на улице дымом и молоком. Куда-то бежали собаки.

Алёшка закрыл ворота и, размахивая вицей, погнал гуся на дорогу. На дороге гусь остановился и сердито загоготал. Ему было стыдно, что гонит его по селу маленький мальчишка, даже ещё не школьник. Алёшка спрятал за спину вицу и стал смотреть в другую сторону, будто вышел так, поиграть, а не пасти гуся.

Гусь успокоился и заковылял к речке.

На росистых обочинах горели зелёные искорки. Склюнув одну искорку, гусь оглянулся и затряс клювом.

— Глядеть надо! — сказал ему Алёшка.

Курицы, собаки и ребята уступали им дорогу. Они знали, что с Алёшкиным гусем лучше не связываться.

На лугах Алёшка догнал гуся, и они вместе стали пробираться по сырой высокой траве к речке Шумилихе.

Завидев воду, гусь начал хлопать крыльями и кричать. Алёшка снял рубаху и первый полез в Шумилиху. Была она бойкая, весёлая, с каменистым дном.

Он перебрёл речку и надел рубаху, а штаны снял и повесил на куст. Гусь всё топтался и гоготал на том берегу, не хотел лезть в воду. И Алёшке тоже не очень хотелось залезать каждое утро в речку. Но он боялся пасти гуся на колхозных лугах. Увидит бригадир — заругается.

Гусь всё ходил по отмели, пробовал клювом воду. И потом всё-таки переплыл.

— Молодец! — сказал ему Алёшка, подавая на ладони красного червяка.

Гусь склюнул червяка, почистил о гальки нос и пошёл

щипать траву. Алёшка ходил за ним по сырой траве и жаловался, что мамка обещала купить петуха на палочке и не купила.

— Бригадир, говорит, не отпустил в город. А у меня, кроме мамки, и никого нет...

Гусь сунул голову в траву.

— Поймал?— спросил его Алёшка.

Гусь тряхнул головой.

— Ничего. В другой раз склунешь. А мамка сказывала, будто гуси лягушек едят.

Трава начала подсыхать, стала кусаться. Алёшка надел штаны, лег в тёплую траву и заснул под звон медуниц. Покачивались над ним красные маки и синие колокольчики, осторожно гладили по лицу мягкие сизые петушки.

Разбудил его гусь. Он кричал, хлопал крыльями, прыгал в траве. Алёшка схватил вицу и бросился к нему.

Гусь отбивался от длинного белогрудого зверька. Алёшка замахнулся вицей, зверёк фыркнул, как кошка, и юркнул в траву. Гусь приосанился, поглядел искоса на Алёшку и важно зашагал к речке.

Пока гусь пил воду и ругался, Алёшка нашёл крепкую палку и встал на опушке леса под берёзу. Он долго стоял под берёзой, но белогрудый зверёк больше не показывался.

Гусь ходил возле самой воды и что-то искал.

Алёшке надоело стоять под берёзой. Он тоже спустился к речке, снял рубаху, завязал ворот и стал ловить вандышей. Хитрые рыбки вертелись под ним, щекотали ноги, а в рубаху лезть не хотели. Гусь глядел с берега и гоготал.

— Сам попробуй!— сердился Алёшка.— Гогочешь. А я тебя спас.

Замычали коровы в селе. Алёшка вылез на берег, вытряс из мокрой рубахи жёлтобрюхую рыбку. Гусь её склюнул. И они начали переправляться. Впереди плыл гусь, за ним по каменистому дну брёл Алёшка.

Выйдя на берег, гусь отряхнулся. Алёшка надел рубаху и погнал его домой.

Они поднялись на гору и увидели мамку. Та стояла на крыльце, высокая, тоненькая, в белом платке и в синем платье.

Она открыла ворота. Гусь зашёл во двор, а Алёшка — в избу.

За столом мамка рассказывала, что помидоров нынче в колхозе страсть как много, собирать не успевают. Алёшка молчал. Мамка каждый вечер про себя только говорила. А ему тоже не легко гуся пасти.

Скрипнули половицы в сенях. В избу вошёл длинный худой бригадир, обгоревший на солнце, как головёшка.

— Собирайся завтра с утра на хранилище,— сказал он мамке.

Мамка вздохнула и сказала:

— Ладно.

Бригадир сел на лавку и стал её уговаривать.

— Зарежь ты своего гуся. Алёшка его за речку гоняет. Утонет, не дай бог.

— А ты детсадик построил, советчик? Построил!?!— зашумела мамка на бригадира.— Куда я парня дену, подумал? Одного его не оставишь. А с гусем надёжно. Гусь Алёшку в обиду не даст.

— Ловко придумала! Ну, ловко!— захохотал бригадир, замахал руками и прослезился.

Бригадир посмеялся и ушёл.

Алёшка лёг спать. Мамка наклонилась над ним, поцеловать хотела, но он отвернулся. «Съел бы гуся бело-грудый зверёк,— думал Алёшка,— тогда бы узнала». Он чуть не заревел от обиды. Стал вспоминать, сколько раз спасал гуся, и незаметно уснул.

Проснувшись, он быстро оделся, открыл окно и задумался.

Солнце уже взошло. Блестела трава. На улице пахло дымом и молоком. Куда-то бежали собаки.

Из открытых ворот вышел гусь, проковылял по мокрой траве до дороги, потоптался там и пошёл обратно.

Алёшка сидел у окна на лавке, а гусь ходил под окнами и сердито гоготал.

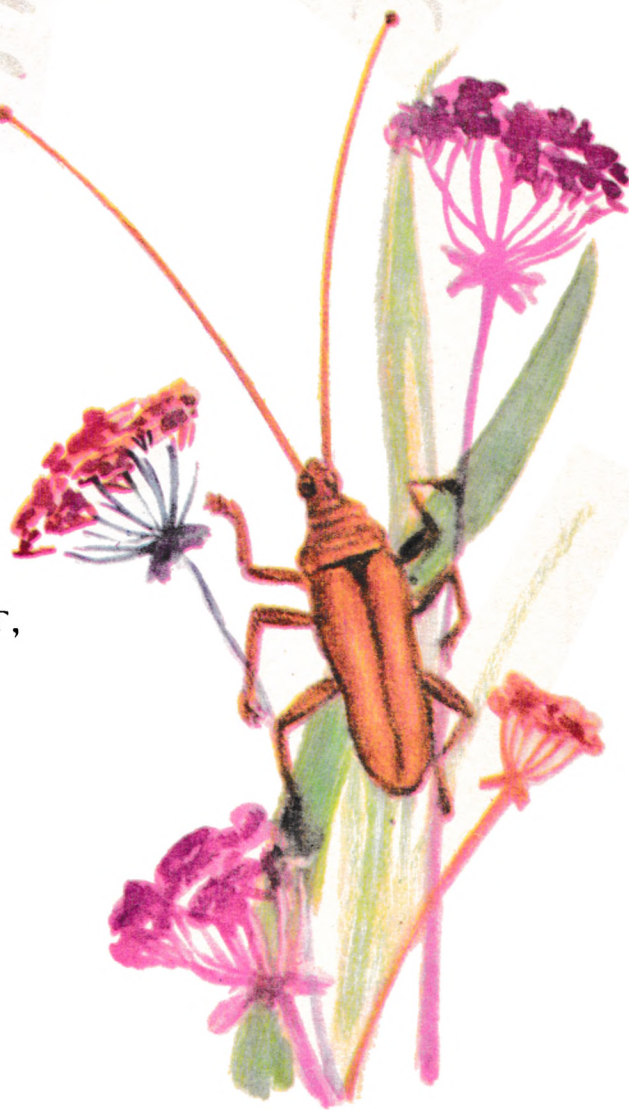
A small illustration in the top left corner shows a butterfly with orange and black wings perched on a yellow flower. Another yellow flower is nearby.

ЖУК-УСАЧ

Евгений Фейерабено

Ждёт разгадки тьма задач!
Не решатся сами.
На травинке жук-усач
Шевелит усами.

Будто стрелками часы
Водят постепенно.
Может, это не усы —
Радиоантенны?
Может быть, из-за реки
Через лес и скалы
Шлют ему друзья-жуки
Радиосигналы?
Может, рад усатый жук
Чьей-то телеграмме:
«Прилетай к нам, милый друг,
Пообедай с нами!»

КОМАРИНЫЙ ЗОНТИК

Комару не страшен грипп —
В дождь он спрятался
под гриб.

Дождик, лейся,
Дождик, капай,
Заряди хоть до утра —
У гриба под толстой шляпой
Не промочишь комара!

Семён Коган

СПИТ РАБОЧИЙ ГОРОДОК

Стих
Рабочий говорок.
Спит
Рабочий городок.
От усталости зевая,
В парк торопятся
Трамваи,
Тихо едут
Не звенят,
Понимают:
Люди спят.

Михаил Смородинов

Ливень хлынул и прошёл,
Где-то гром вдали прокашлял.
С листьев падают ещё
Виноградинками капли.
Клёны стали зеленей —
Постирал им дождь рубашки.
Солнцу, свету и весне
Улыбаются ромашки.
Воробей — и тот поёт...
Я в окно смотрю с улыбкой:
Куцехвостый рыжий кот
Ловит в луже

солнце-рыбку.

Виктор Астафьев

Там, где птицы выют гнёзда

Рассказы

НАШ ПУТЬ

Мы гнали скот на альпийские луга. Нас было семнадцать человек: тринадцать школьников, два учителя и два журналиста.

Идти нам нужно было к приполярным хребтам Урала. В тайге — «тихая пора». Это та пора, когда птицы сидят на гнёздах.

Утром лишь некоторые птички подавали голос, да по вечерам бездомовая кукушка роняла гулкое «ку-ку» в густую тишину.

Тайга без птичьих песен казалась пустой, угрюмой, необжитой. И хотя всё цвело кругом и зелень пробудившихся листьев была налита соком, солнечным светом, нам всё чего-то недоставало. Мы невольно присмирели, как будто боялись спугнуть насторожённый покой, в котором рождалось множество птичьих жизней.

Тайга упрятала птиц от худого глаза и острых зубов хищников. Тайга умеет помогать своим друзьям, а лучшие и верные друзья у неё — птицы.

Огромна уральская тайга, в ней есть где найти потайные места для гнёздышка. Пройдёшь рядом, почти наступишь на гнездо — и не заметишь. Но иногда...

КАПАЛУХА НА ДОРОГЕ

Мы шли уже четвёртые сутки. Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки, да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо наше вытянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучкастый валежник.

В одном месте, на просеке, выдавался небольшой бугорчик, сплошь затянутый бледнолистным зацветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые пылиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнёт увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец; сделается чёрной с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других.

Это и у людей часто бывает — за скромной внешностью, за невидностью скрываются большая человеческая красота и добрая душа.

У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты; закричали ребятишки. Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распушенными крыльями бегают кругами глухарка — охотники чаще называют её капалухой.

— Гнездо! Гнездо! — кричали ребята.

Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

— Да вот же, вот! — показали ребятишки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилося от испуга — чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. Обросшая мохом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке, утеплённое пухом, гнездо. В гнезде четыре рябоватых, светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем, оно было тёплое, почти горячее.

— Возьмём! — выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

— Зачем?

— Да так.

— А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё.

Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распушенными крыльями, прикрывала будущих

своих детей, сохраняла для них тепло. Потому и закоспелела от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец, взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки, и на го-

лой, пупыристой груди часто-часто трепещется кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать за-рождающимся птенцам,— сказал подошедший учитель.

— Это — как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё-всё, каждую крошку, каждую капельку...— грустно, повзрослому выдохнул кто-то из ребят и, должно быть, застеснявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул: — А ну, пошли стадо догонять!

И мы весело побежали от капалухиногo гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её вскоре начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напружинена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю — две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

И когда они вырастут, когда звонким зоревым апрельским утром уронят свою первую песню в большую

добрую тайгу, может быть, в песне этой будут слова, непонятные нам птичьи слова о матери, которая отдаёт детям всё, иной раз даже жизнь свою.

СРЕДИ ЛАГЕРЯ

Весь день лил дождь. Мы вымокли до нитки и устали до того, что не могли уже идти. Кое-как «дотянули» стадо до осека — загона для скота, сделанного из березняка, с трудом водворили бычков и тёлочек в этот осек, а сами в небольшом сколке леса начали разбивать лагерь.

Одни ребята ставили палатки, другие привязывали

вали на арканы лошадей, разводили огонь, готовили еду, сушились.

Я пошёл наломать пихтовых лап — в палатку. Неожиданно что-то фыркнуло у моих ног так, что я вздрогнул. И увидел птицу, улетающую в кусты.

Это была рябчиха.

Я наклонился и увидел возле валёжины, затянутой мохом и брусничником, гнездо. В нём яички. Я пересчитал их — двенадцать штук. Будет очень редкий и крупный выводок. Чаще рябчиха кладёт семь-восемь яиц.

Лил дождь в сухое, согретое рябчихой, гнездо. Я вернулся к костру, предупредил ребят, чтобы они нечаянно не раздавили его.

Рябчиха, фыркая крыльями, перелетела в кусты, но мы её не видели. Очень осторожная птица рябчик. И окраска у него такая, что на дереве или на земле не вдруг заметишь.

Охотник и знаток природы, учитель, возглавлявший нашу компанию, огорчённо сказал:

— Если яйца остынут, не вывести ей птенцов.

— Что же делать?

Уже спустились сумерки. Переносить лагерь в другое место мы не могли — устали до того, что еле двига-

лись. Да и лошадям здесь хорошо, трава ещё не выбита, и ветер тише в лесу.

— Ладно,— подумав, решил учитель.— Пусть остаётся всё, как есть. Я уверен, что рябчиха не даст остыть гнезду. Всем быстро ужинать и ложиться!

Утром, как только мы проснулись, первый вопрос дежурному:

— Ну, как?

— Вернулась в гнездо, рябая. Только утихло в лагере, она и прибежала по земле. С гнезда больше не сходит. Я сфотографировал её на память.

К утру распогодилось. Дождь уже не шёл, но с деревьев капало, и дым костра расползлся меж стволов и по кустам.

По одному, по двое, мы все сходили посмотреть на рябчиху. Она, окаменев, сидела на гнезде. Брусничный лист вокруг гнезда был весь ощипан, и травка пощипана.

Голодно, сыро было птице. Мокрыми крыльями она прикрывала гнездо. И вся она была мокрая, худенькая. В круглых, немигающих глазах её метался беспокойный свет, и только по нему можно было угадать, как ей страшно. Нас, людей, пуще всего боялась рябчиха. Лошади, что привязана рядом, боялась, огня, который горел неподалёку, шума, гама. Но с гнезда она не могла сойти. Яйца остынут, потомства не будет. Вторую кладку ей уже не сделать — поздно. А как ей жить без детей? Без детей птице нельзя!

— Довольно глазеть! — крикнул учитель.— Уходим!

Мы свернули палатки, увели лошадей из леса, выгнали скот. Ребятишки быстро прогнали телят мимо сколка леса, чтобы не забрела глупая скотина к гнезду рябчихи.

А она сидела всё так же неподвижно за рыхлой ва-

лежиной, на гнезде. Мерцающими глазами птица провожала нас. Исхудалым, но тёплым телом она пробуждала к жизни будущих детей.

ПТИЧКА В ПЕЧКЕ

Вот и вершина Кваркуш! На хребте его то там, то тут угрюмо чернеют тёмные осыпи с белыми прожилками вечных снегов. Здесь горная тундра. На ней седые мхи ягели да ползучий тальник и сплетение карликовых берёзок. Здесь воздух так прозрачен, так лёгок и прохладен, что дышится легко и видно далеко-далеко.

И на западном склоне Кваркуша, по соседству с тундрой полыхают цветами уральские альпийские луга. Море, нет — океан цветов! И над всем этим угрюмым и в то же время ярким миром белых снегов, чёрных сопок, цветущих лугов стоит извечная тишина, мирный покой. Здесь рождаются птицы и реки.

На лугах, прямо на траве, под кустами, под рухнувшими деревьями гнёзда, гнёзда, гнёзда. Под приникшей к земле елью сразу три гнезда овсянок — маленьких, беспокойных птичек.

Из вырубленных лесов, от шума заводов, железных дорог и аэродромов птицы постепенно уходят в дикие, нехоженые края и здесь выводят потомство.

На одной поляне стоит сколоченный из досок острокрыший шалашик. В нём раньше жили пастухи, а потом перекочевали на другую поляну, где построили себе избушку.

Любопытный народ — парнишки! Распахнули дверь дощатого шалашика, смотрят. И мы, взрослые, тоже увязались за ребятами, тоже глазеем: чего оно там и как? А в шалашике пусто. Стены да печка чугунная без трубы. Унесли пастухи с собой трубу, а печку оставили. Тяжёлая печка, неуклюжая. Вокруг печки проросла трава ползунец, тянется усиками к свету, к отверстию в крыше.

Вдруг из печки в патрубок серой искрой мелькнула птичка, сполошно вскрикнула и вылетела наружу.

— Цив! Цив! — цивиркает на крыше, суется, беспокоится. Где-то здесь, в шалашике, у неё гнёздышко. А где? Стали искать. Серенькая трясогузка бьётся над крышей, трепещет мотыльком, цивиркает: «Ой, найдут! Ой, найдут!»

— Да вот же оно! — изумлённо сказал один парнишка, заглянув в печку. Мы тоже заглянули в печку и ахнули. Кругленькое гнёздышко, свитое из сухой травы, лосиной шерсти, подбитое пушком, лежало в уголке печки, на холодной спрессованной золе. В гнёздышке голубенькие яички, штук девять.

— Ну и ну! Ловко! — сказал кто-то.

— Это что! — начал рассказывать один из бывалых мальчишек. — Вот в прошлом году, когда мы пришли на поляны, то в нашей избушке ястребиха снесла яйца на угловике, прямо на досках, шесть штук. Ну, те мы разби-

ли, чтобы хищники-тетеревятники не выросли. А эта маленькая, но сообразительная!

Мы уважительно посмотрели на серенькую птаху. Она не выдержала, залетела в шалашик, села на перекладину и, кивая длинным хвостиком, робко просила нас уйти: «Цивирк! Цивирк! Ну, посмотрели, мол, и хватит. Ах, люди, люди, от вас даже в печке не спрячешься!».

Прикрываем дверь шалашика. Смотрим в щель. Трясогузка слетает на патрубок, оглядывается недоверчиво и ныряет в печку. Повозилась там, успокоенно уронила свое «цивирк» — всё, дескать, в порядке — и затихла.

На цыпочках уходим от шалашика.

Больше мы не вспугнём тебя, трясогузка! Ты маленькая, но умная и осторожная птица. До твоего гнезда не доберётся ни сова, ни ястреб, ни хищный зверёк. И у тебя обязательно будут девять маленьких птенчиков, девять сереньких, таких же, как ты, трясогузочек с чёрными шапочками на головке.

НЕСПОКОЙНЫЕ ДЯТЛЯТА

Всего несколько дней мы пробыли на полянах, но как за это время изменилось всё в тайге! Трава выше, цветы уже осыпаются, листва на деревьях сделалась густой, появились комары и мошка. Здесь, в приполярном Урале, всё торопится цвести, расти, рожать. Медлить некогда — лето короткое.

И вот проклюнулись на свет первые птенцы. Это уж всегда так: появились мошки, мушки, червячки — птичье питание — сами птицы тут как тут. Родись раньше — с голоду умрёшь.

Первых птенцов мы слышали далеко. Они кричали дружно и требовательно. Кричали наподобие сверчков, только куда громче и капризней. Сверчок, тот добродуш-

но трюкает, успокаивает, усыпляет. А этих за километр слышно: фрик! фрик! фрик!

Огромная, пустая в середине, пихта. Вся она в дырах. Из какой-то дыры доносится это «фрик-фрик». Мы сгрудились возле дупла, головы задрали, смотрим. Птицы не показываются, а только орут.

Прилетела мать — красно-головая дятлиха и ещё издали строго крикнула: «Эй, вы, неразумные! Тут народу полно! Замолчать!»

Всякие птицы, услышав окрик матери, мгновенно стихают, а эти, наоборот, — обрадовались, зафрикали ещё дружнее. Дятел не очень побаивается человека. Знает, что только дурак может тронуть его — лесного работягу. Видимо, потому и не передается страх дятловым птенцам.

Они орут себе, требуют пищи — никаких гвоздей.

Покружилась дятлиха вокруг дупла, поуасмиряла детей — не действует. «Давай есть, и всё!»

Тогда дятлиха подлетела к дуплу, села на него, глянула на нас сверху: «И чего вам тут? Шли бы своей дорогой!» Долбанула раз-другой по гулкому дуплу, подумала маленько и, видно, решила: «Да плевать мне на вас, хоть вы и люди!» — прыг-прыг вверх по дуплу, — только мы её и видели.

Унырнула она в одну из дыр дупла. Унырнула, конечно, совсем не в том месте, где сидят птенцы, а повыше. По тому, как радостно зафрикали дятлята, мы поняли: дупло-то сквозное, и, конечно же, она спустилась к птенцам.

Замолк один-другой птенец. Остальные кричат. Всем еды не хватило.

Дятлиха высунула клюватую голову в дырку и совсем уже не в ту, в которую влетала. Удивлённо, боком она глянула на нас: «Вы ещё здесь? Ну и любопытные! Мне ведь кормить ребятишек надо. Уходите, уходите!»

И мы пошли. Дятлиха выпорхнула из дупла, полетела в лес. Вскоре там послышался стук и треск. Мать долбила старый кедр, искала личинки насекомых. Она работала быстро, крепко, аж труха и клочья коры разлетались на стороны и сыпались вниз.

А в пихтовом дупле кричали её ребятишки-дятлята — просили есть и ничего не боялись.

КУРОПАТКА И МАШИНА

В селе Верх-Язьва окончился наш пеший путь. Здесь мы распрощались с ребятами и учителями. Теперь нам нужно добираться до старинного города Соликамска на

машине. И вот мы снова в пути. Устало дремлем на заднем сиденье машины-вездехода. Только закроешь глаза, и начинают мелькать леса, цветы, телята, речки, дожди, ребятишки, птицы и гнёзда, гнёзда...

Вдруг взвизгнули тормоза, машина резко остановилась, и мы упали с сиденья.

— Что случилось? Что? — спросонья, бестолково спрашивали мы у шофёра.

Шофёр молча указал на дорогу.

Через дорогу переводила выводок цыплят куропатка, и тут вынырнула из-за поворота машина. Мать-куропатка повернулась грудью к машине, загораживая собою детишек своих. Перья вздыбились на её голове. Вся она взъерошилась, и видно было, как судорожно подрыгивает её горло. Она квохтала. Наверное, она просила подождать или предупреждала, что в случае чего кинется в драку — защищать жёлтых цыпляток.

А они, эти цыплятки, кругленькие, пушистые, чивкая, перебегали дорогу, скатывались в кювет и растворялись в болотце, подёрнутом камышом, трилистом и

травой осокою. Они исчезали на глазах, как будто были не цыплятами, а огоньками, которые, коснувшись сырого болотца, гасли.

Цыпляток было штук одиннадцать. И пока не перебежал дорогу последний, пока не спрятался в траве, всё стояла куропатка с грозно взъерошенными перьями. И мне казалось, грудью своей она защищает сейчас не только детей своих, а весь лес, всю землю и всё живое на этой земле.

Глухо работал мотор машины. Шофёр ждал. Наконец, куропатка обернулась, увидела, что ни одного цыплёнка не осталось на дороге, сама пошла в кювет, шевельнула осоку и скрылась в ней.

— Да-а,— протянул шофёр, включая скорость.— Нет никого на свете мужественней матери.

Мы поехали дальше по лесной дороге. Никто больше ничего не говорил. Мы думали о тех птицах, которых видели во время похода, восхищались трудолюбием, бесстрашием их и повторяли про себя слова шофёра: «Нет никого на свете мужественней матери! Нет!»

Геннадий Кайгородов

НЕФТЬ ПОШЛА!

«Пошла, пошла!» — рабочие у вышки
Кричат и веселятся, как мальчишки.
Сняв рукавицы, волю дав рукам,
Друг друга нефтью мажут по щекам.

Леонид Фомин

Последний шаман

Работал я с геологами на Северном Урале. С геологами — летом, а зимой ходил с охотниками. Охотники там не такие, как в городе, охота для них — работа. Бывал я с ними на зимовьях, в местах промыслов.

Я расскажу о манси Мусие Турганове, старом суеверном человеке, с которым пришлось немало скоротать дней и ночей.

На высокой горе стоял столетний кедр-великан. В нём была выжжена сердцевина. В просторном дупле с чёрными обуглившимися стенками сидел осиновый идол. Идол был размалёван красками и походил на куклу, только был большой и считался у лесных жителей священным.

Много всяческих суеверий было когда-то у северных народов. Старые манси ещё верили в зиму и добрых духов и чтили священного идола.

И мой знакомый Мусия Турганов не прочь был поклониться богу. Прежде чем уходить на промысел, он обязательно преподносил дань идолу. У кедра оставлял лепёшки, табак, иногда шкурки зверей.

Охотились мы в верховьях Северной Сосьвы. С первым снегом уезжали на упряжке сытых оленей, с тремя

собаками. Олени легко несут нарты по свежей неглубокой пороше. Полозья высвистывают тягучие мотивы. Мусия поёт по-своему бесконечную песенку. Мерно покачиваются крупы оленей, мелькают проворные ноги. Лёгкие нарты мягко ныряют на неровностях. После долгого безделья собаки неустанно носятся в чаще.

Мы сидим на нартах в малицах — одежде из оленьих шкур. Меня она стесняет — везде трёт, жмёт, руки и ноги будто связаны. Зато Мусия чувствует себя вполне нормально. Привычно погоняет оленей и всё поёт. Я знаю, чему радуется охотник: ему очень приятно видеть приволье родных лесов.

Без дорог и тропинок едем с утра до ночи.

Временами, облаком вздымая серебристый снег, из зарослей выбегают дикие олени. Собаки с визгом провозжают их.

В три темнеет. Долго ещё едем в сумерках. У Мусии нет часов, но всегда ровно в пять он сбрасывает с головы капюшон малицы и объявляет:

— Пришла!

«Пришла» — значит приехали. Здесь будем ночевать. Мусия распрягает оленей, надевает на заиндевелые шеи ошейники с бубенцами, отпускает на волю. Животные неторопливо уходят в стороны, хватая с веток свисающий мох, разбивая копытами снежные подушки.

Разводим большой костёр, варим ужин. Потрескивают сучья в огне, свернувшись, прямо на снегу отдыхают собаки. Звёзды млеют в туманном небе, мороз крепчает.

— Мусия, — спрашиваю я, — помнишь ли шаманов?

Мусия потягивает трубку, задумчиво смотрит на рдеющие угли.

— Как не помнить, помню, — отвечает Мусия. — Шиб-

ко сильный шаман был, с духами знался... Бага-атый шаман был. Стадо оленей имел, собольих мехов три лабаза...

Мусия выколотил о толстый коричневый ноготь трубку и снова набил её табаком.

— А нехороший шаман был, жадный. Когда умирал, велел все меха в могилу с собой положить, оленей привязать у могилы. Всё и сложили, и оленей привязали...

— Как он разговаривал с духами?

Это я спросил неспроста, я знал, что Мусия и сам иногда «шаманит», выпрашивая у добрых духов удачи в охоте.

Мусия кладёт в карман потухшую трубку, встаёт. Минуту смотрит в звёздное небо, высвобождает рукой из-под ворота малицы спутанные косички. И вдруг кричит:

— Слышу тебя!

Пики огромных елей упираются в небо, тайга безмолвна. Мусия простирает руки и пускается вокруг костра в дикий пляс. Парусом надулась шуба, разметнулись косы. Мусия выкрикивает какие-то слова, прищёлкивает языком. Шире круг, снег клубами летит из-под ног. На ходу Мусия выхватывает из-за пазухи ещё один ошейник с погремушками. Звон бубна и улюлюканье перенесли меня в те далёкие времена, когда вот так же бесновались у костров шаманы и одурачивали людей, пугая несуществующими духами и богами.

Собаки, растревоженные шумом, вскочили; переходят с места на место, скулят. Шаман подбегает к рослому псу, ловко хватает его за загривок, и тотчас в руке Мусии блеснул изогнутый нож!

— Бог жертву просит! Жертву... жертву... жертву...

Ночной лес странными звуками отдаёт слова: кву, кву, кву...

Собака визжит, неистово рвётся из страшных рук. Но Мусия силён, скидывает собаку над головой, гулко ударяет в грудь ножом.

— Мусия!— в ужасе кричу я,— с ума спятил!

Но собака падает в снег невредимой. Шаман снова кружится, снова что-то выкрикивает незнакомое, снова размахивает руками.

Потом слышу русские слова. Они обращены к богу:

— Всевышний, угони с тропы шайтана, пошли удачу, награди чистым соболем...

Снег вокруг костра сбит до земли, головёшки, разбросанные ногами, шипят и гаснут. Шаман бросает бубен, в изнеможении валится на хвою. Немного отдышавшись, говорит:

— Был у всевышнего. Удачу в охоте обещал, соболя обещал...

Благодарю Мусию за редкий концерт, говорю, что он взаправдашний шаман. Охотник согласно кивает головой и неожиданно добавляет:

— Последний шаман.

Представление окончено. Снимаю с сошек большой котелок с кашей, кормлю собак, едим сами. Мусия достаёт из кармана крохотного деревянного божка, садит перед собой и тоже «угощает» кашей.

После ужина ломаем лапник, сооружаем у костра постели. На морозе спит Мусия, как белый медведь на льдине. Деревья стреляют от стужи, а ему хоть бы что! Спина закуржавела, от лица, упрятанного в затянутый капюшон малицы, валит пар.

Я не могу уснуть. Часто греюсь чаем, подкладываю в костёр дров. И лишь днём, в дороге, когда снова, покачиваясь, мчатся нарты, смыкаю глаза.

...И вот спустя несколько лет мне вновь довелось по-

быть на севере. На этот раз в отдалённый знакомый посёлок я прилетел на вертолёте. И не узнал его: выстроены новые дома, здание мансийской школы-интерната, больница, на холме поднялась вышка метеостанции. А где стоял одинокий чум Мусии, теперь раскинулся аэродром.

Едва перестал вращаться винт, к машине подошёл старый человек в малице и меховых унтах. Где же я его видел?

— Пася, рума! Здравствуй, друг!— негромко поприветствовал он, и тут я узнал Мусию Турганова.

— Здравствуй, здравствуй, дружище! Как поживаешь, почему не на промысле?

Обрадованный неожиданной встречей, Мусия провёл меня в сторожку, налил в кружку горячий чай, усадил перед собой на скамейку и принялся негромко рассказывать:

— Ходил, всё ходил. Занемог в тайге, чуть не пропал. Один был, умру, думал. А не умер. Пришёл в посёлок. Шибко меня лечили. Врачи лечили, не шаманы... После болезни плохо видеть стал, мушку на ружье не вижу. Загоревал: как жить дальше буду? Худо, шибко худо охотнику с плохими глазами.

— Ну, а колхоз?— спросил я.— Вёдь ты же в артели?

— Вот, вот, колхоз и помог. Сперва нарты делал, потом сюда послали, сторожить самолёты. Бросил я тайгу, и бога деревянного бросил. Что толку, всё равно не помогает!

— По тайге не скучаешь?

Мусия посмотрел на лес.

— Зачем скучать, вот она. Каждый день вижу.— Помолчал и тихо добавил:— Сходить бы, однако, подалее не мешало, да самолёты встречать надо...

Кукареку,
Ку-реку!
Я реку
Пересеку
Вброд,
Вот.
Ах ты, Петя-петушок,
Петя-хвастунишка!
Хвастать хвастайся,
дружок,
Да, смотри,
не слишком.

Владимир Суслов

Подорожник

Лист подорожника
Вышел на дорожку,
Капельку дождика
Он поймал в ладошку.
И сияет:
— Посмотрите!
Капелька!

Капелька!

Надо капельку?
Берите!
Я к Первому
Маю
Новую
Поймаю.

Подъёмный кран

Утром встал
подъёмный кран
Прямо у дороги.
Широко, как великан,
Он расставил ноги.
Высоко под облака
Он расправил плечи.

И работает,
Пока не наступит
вечер.
Видит всё по сторонам.
Спереди и сзади...
Это он, ребята, вам
Строит детский садик.

У моей подружки
На лице веснушки.
Мажет щёчки мазью,
Натирает нос,
Но они вылазят
Даже и в мороз.
Греет синей лампою,

Делает примочки,
Но веснушки капаят
На нос и на щёчки.
А моим веснушкам
Не нужна просушка.
И не надо мази —
Пусть себе вылазят.

Кролики и капуста

А вот вам ещё Оляпкина задача. В огород с капустой забрались кролики.

Сумеете ли вы на этом рисунке тремя прямыми линиями отделить кроликов от капусты?

Иначе зверушки могут съесть её.

Анатолий Тумбасов

Как видит художник

Рассказы

МИНОМЁТ

В один из дней, когда погода смягчилась, я взял свой этюдник — ящик с красками — и вышел, как мы говорим, на природу, чтобы написать зиму. Зашёл в деревню Плотинку. За мной увязались два малыша. Их, видать, заинтересовал мой ящик, у которого поблёскивали складные ножки.

— Это у тебя что, дядя?

Как им объяснить? Я сказал в шутку:

— Миномёт.

— Потрогать можно?

— Потрогайте.

Я выбрал интересный пейзаж и решил поработать.
— Ну, ребята, теперь будем стрелять.

Один, которого звали Юра, зажал большими варежками уши, а другой, Женя, отстал и кричал где-то позади нас:

— Подождите меня!

Я поставил этюдник на ножки, раскрыл его, и Юра увидел доску — палитру и тюбики красок. Он ещё крепче зажал уши, а потому очень громко спросил:

— Это мины?

Ни слова не говоря, я выдавливал из каждой «мины» разноцветные краски на палитру, в маслёнку налил масло, взял кисти...

Юра подвигается ближе:

— Ух сколько! Теперь я знаю, вы худо-о-жник. — И признаётся: — Я даже вспотел.

— Значит, боялся, что стрелять буду?

— Да-а, боялся. Папка вон с войны хромой пришёл.

К нам подъезжает Женя и тянется к краскам:

— Покажите пузырьки.

— А мне один дадите? — попросил Юра, доверчиво улыбаясь.

— Мне тоже! — говорит Женя и берётся за большой тюбик белил.

— Что вы будете делать с краской? — спросил я.

— Мы... — ребята задумались. — Мы скворечники покрасим!

— Это хорошо! — одобрил я и выбрал неполные тюбики. — Тогда — пожалуйста.

— Спасибо, — благодарят мои новые друзья, засовывая краски в варежки. А Юра выдаёт секрет: — Спрячу краску за зеркало, до весны, будем ремонтировать скворечник, достану.

И всё-таки ребята были разочарованы.

— А мы думали, у вас правда миномёт.

— У художника, как у стрелка, тоже должен быть меткий глаз и твёрдая рука. Так что вы немного ошиблись.

— А как видит художник?

— Как?— Я не сразу нашёлся, что ответить.— Ну как...

Вот тогда я и решил написать для ребят заметки о том, как работают художники, что и как они видят. Маленький кусочек из них я помещаю в Оляпкину книжку. Читайте дальше.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

В лесу ещё лежал снег, а вокруг пеньков, снявших снежные шапки-комья, темнела земля. На редких проталинах выбивалась к солнцу зелёная травка. Первые подснежники робко открывали глазки, опушённые белыми ресницами-лепестками. Вытаял и муравейник, пристроенный к валежине, очень похожей на огромные рога.

На покато́й крыше муравейника копошились муравьи. Наблюдатели где-то на рогулине, видимо, заметили меня, подняли тревогу — муравейник ожил, и я услышал острый запах муравьиной кислоты.

Муравьи оборонялись. Они ловко опирались на лапки, как бы садились, и, направляя брюшко кверху, выбрызгивали тоненькие струйки. Над муравьиным жильём высоко взлетали фонтанчики.

У меня щипало в носу, но я не уходил. Тогда муравьи бросились в атаку. Они кубарем скатывались с муравейника к зубчатой кромке снега, там их скопилось

черным-черно. Один шаг, что отделял меня от муравейника, для смельчаков был огромным снежным полем. И муравьи-солдаты шли по снегу без лыж, босиком, обходя кристаллики, словно ледяные торосы.

Снег дышал холодом, и некоторые стали поворачивать обратно. Но смелые и выносливые всё ближе подбирались ко мне. Однако движения муравьёв становились вялыми, они высоко поднимали замёрзшие лапки, стараясь их хоть так согреть. Самых первых из наступавших я взял и посадил на ладонь. Муравьи отогрелись, как на печке, и тут же изготавились к бою, угрожающе раздвигая челюсти. А когда я хотел подышать на них, чтобы лучше согреть, муравьи брызнули струйками кислоты.

В суровом походе муравьи очень мёрзли. Беспомощных, скрючившихся муравьёв утаскивали обратно, наверное, муравьи-санитары, они хлопотали над ними, оказывая помощь.

Передо мной развернулось настоящее поле битвы. Храбрые и сильные муравьи окружали меня, всё новые и новые отряды выходили на снежное поле. Но я не стал их больше смущать, ушёл, чтобы не погубить храбрую армию муравьиного государства. Я отступил, и муравьи-солдаты вернулись из трудного ледового похода к себе домой.

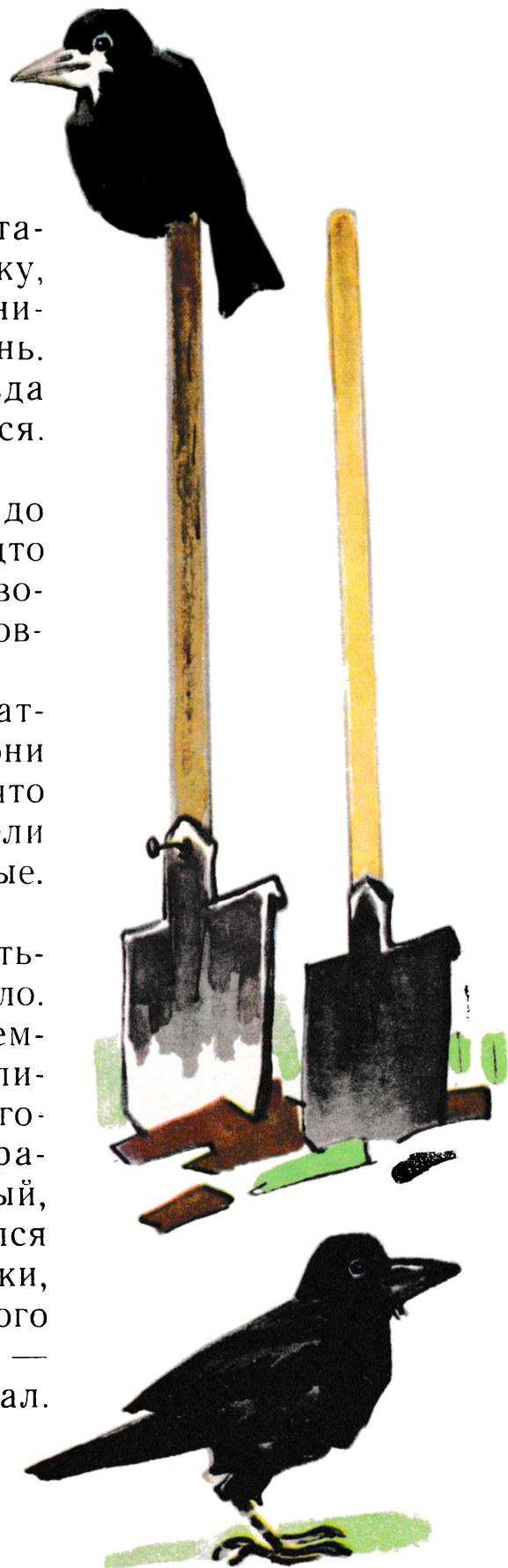
ГРАЧИ

Важно ходят грачи на прота-линах, походка у них вразвалочку, шагают не спеша. Найдут что-нибудь — тюк, тюк, долбят весь день. Птенцов ещё не выводят, гнёзда только ремонтируют да пасутся. Исхудади.

Пороются в земле — клюв надо чистить. Подлетят к снегу и будто точить начнут — слева направо водят клювом. Грачи на белом совсем чернущие, как смоль.

Я пишу этюд весны и посматриваю за грачами. Иногда они садятся близко. Тогда я вижу, что у одних клювы словно побелели до самых глаз, а у других чёрные. Отчего бы это?

Я тоже сперва не мог догадаться, а потом понял, в чём дело. А ну-ка поищи червей, порой землю клювом. Конечно, он отшлифуется, как лопата, которой огород вскапывают. Но у другого грача клюв ещё словно новый, воронёный. Значит, он мало рылся в земле, не вытерлись пёрышки, молодой ещё грач. А у которого чуть не до глаз выбелился клюв — старый грач. Он много поработал.

Альберт Ничиперович

Необыкновенная берлога

Рассказ

Старого охотника товарищи звали Васька Киш. Был он уже совсем седой, на одном глазу бельмо, но жил по-прежнему один в маленькой лесной избушке. Никто не знал, какое расстояние от его жилья до деревни: может, двадцать километров, а может, тридцать — поди-ка измерь вихлястую таёжную тропку.

Несколько раз в году Васька Киш приходил с боль-

шим берёзовым пестерем к людям в деревню. Закупал муку, сахар, дробь, порох и возвращался обратно. Зимой приезжали к нему на лошади — забирали шкурки убитых зверей, рассказывали новости. Всякий раз звали старика перебираться в деревню, но он не соглашался.

— Я на полсотни вёрст вокруг каждое дерево, каждый куст знаю. Знаю, где какой зверь живёт. Пока ноги носят, здесь буду.

Как-то осенью, когда уже замёрзла земля, пришёл Васька Киш снова взять продукты да заряды. И захворал. Покалывало в боку, ныла поясница.

— Непогодь будет, — покрывал он и с утра до вечера пил чай, крепко заваренный малиной.

Он не ошибся. Несколько дней валил густой мокрый снег, побелели чёрные крыши домов, посветлело в лесу. Чуть приметную тропку к избушке так засыпало, что, пожалуй, другой и не заметил бы её. Но Васька Киш не боялся — ноги сами понесут куда надо. Чуть ему стало легче — сразу же старик отправился домой. Шёл не спеша, часто останавливался, осматривал деревья, будто проверял, как они укутываются к зиме. Если встречались заячьи следы, внимательно вглядывался, чтобы узнать, просто ли на кормёжку бежал косой или улепётывал от лисы.

Уже начинало темнеть, когда подошёл хозяин к своей избушке. Глянул в неё и остановился. Никогда не бывало такого: кто-то сорвал с петель дверь, разломал её в щепки. Огляделся — не видно никого кругом и следов нет, засыпал их, видать, снег. Свистнул — никто не отзывается. Охотник перезарядил ружьё пулями и осторожно направился к избе.

— Эй, кто есть, брось шутить, — крикнул он и заглянул вовнутрь.

Несколько секунд было тихо-тихо. Потом послышалось недовольное рычание в русской печке, оттуда вылетела еловая лапа, а вслед за ней показалась лохматая морда.

— Так и есть — Иваныч, — узнал старик. — Без спросу чужую квартиру занял, значит...

Не опуская ружья, Киш добрался до окна и продолжал разговор через стекло.

— Хватит зевать, ступай вон. Избу выстудил всю. Да и не рычи, брат. Скажи спасибо, что на этот раз живьём отпускаю, ведь хоть ты и незваный, да всё равно гость.

Медведь выбрался из печки, метнулся к двери и побежал к лесу, оставляя за собой чёрные от золы следы.

— Ах, ты лодырь,— ворчал ему вслед Киш.— Любишь тепло, а свою берлогу лень строить. Прогулял, небось, хорошее время-то, гуляка косолапый. Мёрзни вот.

Потом охотник развёл огонь, внимательно осмотрел свой дом и до конца понял, что произошло.

Вскоре после его ухода в деревню к избушке подошёл бродячий медведь. Злой он был и голодный: один остался, все товарищи уже заснули под вывороченными корягами на сухих листьях. Понюхал косолапый воздух — нету людей, подошёл осторожно к чужому жилью — учуял запах мёда. Сломал дверь, нашёл бочонок, полакомился — и быстрее в лес. Бродил ещё дня два, замёрз, проголодался, ещё пуще спать захотелось. Вернулся к избушке. Обшарил все углы, вылизал остатки мёда, разорвал мешок с мукой, перевернул кадушку с солёными грибами. Наконец, нашёл русскую печь. Заглянул туда, повалялся на мягкой золе — хорошо. Наломал медведь еловых веток, набросал себе под бока и решил перезимовать.

Что случилось дальше, я уже рассказал. Услыхал я эту историю в деревеньке, где старые люди хорошо помнят смелого охотника Ваську Киша. Деревенька эта стоит на берегу студёной таёжной реки Колвы, у нас — в Пермской области.

ЗВЁЗДЫ НА ГРЯДКЕ

Брали лопатки
Ребята озорные,
Сеяли на грядке
Звёзды ночные —
Красные и синие,
Разные,
Красивые!

Поливали молоком,
Посыпали сахарком,
Поливали киселями,
Удобряли кренделями.

Распустились кусты —
Во! — какой высоты!
Засверкали поутру,
Замигали на ветру,
Как цветные огоньки,
Как лесные светляки —
Красные и синие,
Разные,
Красивые!

Приходи к нам в огород,
Самый маленький народ:
Мы вас кашей угостим,
Мы вам звёздочек дадим
Полные ладошки —
И ещё немножко —
Красных и синих,
Разных,
Красивых!

Кто видел оляпку?

Невыдуманные истории

Оляпки — птички известные. О них даже пишут во взрослых газетах и журналах. И не так уж редко. Вот почитайте-ка.

ЛЮБИТЕЛЬ ХОЛОДНЫХ ВАНН

У проруби во льду речки около станции Гатчина Балтийской железной дороги один из наших лесных корреспондентов заметил маленькую чернобрюхую птичку.

Был трескучий мороз, и, хоть на небе блистало солнце, нашему корреспонденту не раз в то утро пришлось оттирать снегом побелевший нос.

Поэтому он очень удивился, услышав, как весело распевает чернобрюхая птичка на льду.

Он подошёл поближе. Тогда птичка подскочила и с размаху — бух в прорубь!

«Утопилась», — подумал он и живо подбежал к проруби, чтобы вытащить сумасшедшую птичку.

Птичка гребла под водой крыльями, как пловец руками.

Тёмная спинка её блестела в прозрачной воде, как серебряная рыбка.

Птичка нырнула на самое дно и побежала по нему, цепляясь острыми коготками за песок. В одном месте она задержалась немножко. Перевернула клювом камешек и вытащила из-под него чёрного водяного жука...

А минуту спустя она уже выскочила на лёд через другую прорубь, встряхнулась и как ни в чём не бывало залилась весёлой песенкой.

Наш корреспондент сунул руку в прорубь. «Может быть, тут горячие ключи и вода в речке тёплая?» — подумал он. Но сейчас же выдернул руку из проруби: ледяная вода обожгла его.

Тогда он только понял, что перед ним водяной воробей — оляпка.

Это одна из птиц, для которых законы не писаны, как, например, для клестов, высиживающих птенцов зимой. Перья у неё покрыты тонким слоем жира. Когда водяной воробей ныряет, воздух пузырится на его жирных перьях и блестит серебром. Птичка точно в одежде из воздуха, и ей не холодно даже в ледяной воде.

Альманах «Лесная газета на каждый год»

ПТИЦА-ВОДОЛАЗ

Когда ещё реки, большие и малые, были скованы льдом, я отправился на рыбалку на Меру, которая впадает в Волгу. Продолбил пешней лунку и уже было приступил к рыбной ловле, как моё внимание привлекла небольшая кургузая птичка, чуть меньше скворца ростом. Она прямо с лёта нырнула в воду на быстром, незамерзающем месте реки. Я так и ахнул от удивления. Спустя минуту птица как ни в чём не бывало вынырнула из воды, даже не отряхнулась и важно уселась на камне над

самой быстринной, держа в клюве добычу. Наскоро проглотив плотвичку, она снова нырнула под воду.

Утонула, решил я, так как на этот раз птица дольше задержалась под водой.

Какая уж тут рыбалка! Забыв об удочке, я осторожно приблизился к быстрине и, расположившись на большом камне, стал наблюдать. И увидел, как птица быстро бегала по дну реки, гоняясь за плотвичкой, помогая себе короткими, но сильными крыльями, словно вёслами, и цепляясь длинными лапками с раздвоенными коготками за придонные камешки. Пузырьки воздуха, как плащ, покрывали тёмную фигурку птицы. Она ловко, уверенно и свободно чувствовала себя под водой. Наконец она вынырнула с новой плотвичкой и уселась на тот же камень.

Птицей-водолазом была оляпка.

Это единственная птица, которая в наших умеренных широтах до вскрытия рек, больших и малых, принимает холодные ванны.

Почему же она себя превосходно чувствует под водой?

Оказывается, не намокает оляпка из-за густо смазанного жиром оперения.

Газета «Комсомольская правда»

НАД СУМАСШЕДШЕЙ ВОДОЙ

Над сумасшедшей горной водой резвилась маленькая оляпка; здешние люди называли её водяным воробьём. Грудь у птички была белая, ножки коралловые, пёрышки чёрно-бурые, блестящие, одно к одному, точно облитые смолой.

Она быстро перелетала, вернее, перескакивала с камня на камень, такая яркая, что за ней едва поспевал глаз. То и дело оляпка бросалась за кормом в самую пучину, в самый злой водоворот, туда, где сильнее всего с однообразным буйством вздымало на камнях и рвало ледяную воду.

Каждый раз казалось, что птичка погибла. Проходила минута-другая — и вдруг как ни в чём не бывало оляпка выпрыгивала из воды в добром десятке метров ниже по течению, и ни единой капли не срывалось с её тельца. Она усаживалась на камень и принималась коротким клювом чистить смоляные пёрышки, посверливая всё вокруг насмешливыми чёрно-фиолетовыми буравчиками глаз.

Журнал «Октябрь»

НЕУДАЧНИЦА

Хватка была сильной и, как всегда, неожиданной. Подсечка — и я стал осторожно вываживать рыбину.

Дома немало удивились величине щуки. Но какое же было изумление, когда, выпотрошив её, мы увидели внутри маленькую птичку, серенькую, совсем как воробей. Что за наваждение!

И тут кто-то припомнил, что зимой, бывает, появляется на наших быстрых речках, таких же, как Тверца, ма-

ленькая птичка оляпка и живёт она у полыней, а пищу добывает на дне рек.

Нашей оляпке не повезло. Схватила маленькую неудачницу на дне реки разбойница щука.

Газета «Сельская жизнь»

Но вы, ребята, не расстраивайтесь. Это только одной из всех оляпок так не повезло, а то попробуй-ка поймай такую смелую, проворную и весёлую птичку! А жадина щука, которая схватила её, сама попала на крючок — так ей и надо.

А вот кто из вас и при каких обстоятельствах видал живую оляпку? Если кто-нибудь видал, напишите об этом нам, в нашу книгу.

Утюг-путешественник

Вы не слышали, как вдруг
По реке поплыл утюг?
Как он плыл, с волною споря,
Как потом он выплыл в море,
Как во льдах он дрейфовал,
Постепенно остывал?
А когда совсем остыл,
Вновь на печку переплыл,
Но зато братишке
Выгладил штанишки,
А сестре Иринке —
Платье и косынку.

В миске-бассейне

Миска большая,
Словно бассейн —
В ней ложки плывут
Косяком карасей,
Щукой зубастой
Замерло блюдо:
— Только задень меня,
Девочка Люда!
Вилки колючие,
Словно ерши:

— Ну-ка попробуй
Нас удержи!..
В миске-бассейне
Рыбы плескались,
Рыбы плескались —
Из рук вырывались,
Ну, а теперь
На скамейке лежат
Чисто помытые,
Сушатся.
Спят.

Жила-была чернильница

Жила-была стеклянная
Чернильница у нас.
История престранная
Однажды с ней стряслась.

Она дружила с папою
И знала только стол,
Но как-то Васька лапою
Столкнул её на пол.

Жила-была чернильница,
Да нет её сейчас,
Лишь лужица чернильная
На коврике у нас,

Да у кота Василия
Усы четыре дня
Такие были синие!..
Как руки у меня.

«ОЛЯПКИНЫ ДРУЗЬЯ»

Рассказы

Все, кто храбр и весел и умеют делать хорошие дела,— всё это друзья Оляпки. Потому что у неё у самой такой характер. Это рассказы — о птичках и зверюшках смелых, работающих и жизнерадостных.

Первые две истории писатель Крашенинников и заслуженная учительница Емельянова записали в далёком таджикском селе — кишлаке — Ганчи. Смотрите — повсюду есть у Оляпки друзья, и в одном маленьком глухом кишлаке нашлось сразу два таких храбреца.

Читайте.

Авенир Крашенинников

МАЛЕНЬКИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ

Гостил я в Таджикистане, в кишлаке Ганчи, из которого хорошо видны белые вершины гор Тянь-Шаня. Много рассказали мне жители кишлака всяких историй. Одна меня особенно удивила.

Совсем недалеко от чайханы (так по-таджикски называется столовая) кто-то нашёл затоптанного жука богомола. Собралось несколько человек, заахали, защёлкали языками.

— Вот невидаль,— засмеялся я.— Мало мы давим всяких мелких букашек и даже не замечаем.

Все обиделись и даже не налили мне чаю. А один старик с длинной зеленоватой бородой посоветовал, прежде чем смеяться, тысячу раз подумать.

Он сложил морщинистые губы трубочкой, втянул в себя душистый горя-

чий чай. Зажмурился, погладил бороду и не торопясь стал рассказывать.

...Не успевало солнышко выбраться из-за гор, а старика уже будили воробьи. Поселились они где-то под крышей и ликовали так, что в ушах звенело. Старик не обижался на своих шумных соседей. Воробьи радовались солнцу. И старик радовался тоже.

Едва вечерело, воробьи прятались и умолкали. Ста-

рик возвращался домой с виноградника и тоже готовился ко сну.

Как-то вечером воробьи чирикали особенно голосисто. И старик догадался, что воробьихи начали высиживать птенцов. Но в тот час, когда они обычно замолкали, вдруг целая стая заме-

талась над деревьями. К ней подлетали со всех сторон новые и новые. Все кричали так, что старик вышел посмотреть. Вышел и попятился.

Струясь чешуйчатой лентой, к гнезду подбиралась змея. Замирала, ощупывая раздвоенным языком стену, и опять пробиралась вверх. Очень уж ей хотелось воробьиными яйцами полакомиться.

Воробьи охрипли от злости и отчаяния. Старик не знал, как им помочь.

В это время взъерошенный, облезший от старости воробей вылетел из стаи, сел на ветку тополя, чирикнул. И куда-то умчался. Остальные дружно бросились на змею. Ядовитая разбойница поднимала треугольную голову, устрашающе шипела.

Облезший воробей вернулся очень скоро. Он нёс что-то в клюве. Подлетев к самой голове змеи, он раскрыл клюв. Старик увидел жука богомола. Богомол храбро впился змее прямо в глаза. Она свернулась кольцом и упала в траву.

Вот почему птицы никогда не трогают жука богомола.

НЕОЖИДАННАЯ ЗАЩИТНИЦА

Солнце нещадно палит. Сай лежит мёртвой серой лентой. По-над саем идёт Шарахат — десятилетняя таджичка, несёт вязанку травы. Вот уж потянулся дувал — глиняная стена, показались глинобитные плоские крыши кибиток.

Скоро ли она дойдёт? Такая жара... Её кибитка вон под тем платаном, сотни лет возвышающимся над кишлаком Ганчи. А под платаном — арык, чистый, холодный, говорливый. Да, близко уж, вот только ноги что-то идут очень медленно. Разве отдохнуть немного?

Шшшшш... шшшшш...

Шарахат обернулась и в ужасе закричала: с дувала спускалась змея. Она застывшим взглядом уставилась на девочку. Кругом — никого! Кричит, кричит Шарахат, а бежать не может — безотрывно глядит в страшные глаза. Уже змеиня голова покачивается перед самыми коленями девочки, кольцами извивается змея.

С орешины, громадной и развесистой, вдруг раздалось: тррррр... Тр-тр... Тррр...

Сорока. Молниеносно слетела она с дерева и — клюк! — в змеиную голову. Взлетела, опять опустилась, и меткий удар крепким клювом вновь заставил змею бешено заметаться на дороге, вздымая пыль. Теперь змее было не до Шарахат. Самой бы оборониться. А сорока трещит во всю головушку, трещит, да бьёт, да бьёт!.. Прилетели ещё три сороки. Скоро на дороге лежала не змея, а какая-то грязная верёвка.

Схватила Шарахат свою вязанку травы да скорей бежать. Бежит и шепчет:

— Милая сорока, милая... Спасибо тебе, спасибо!

Вот, оказывается, какие отважные трещотки-сороки, которых все знают.

Владимир Воробьев

ДЕДУШ-
КИНА
БРИГАДА

Давно дедушка Захар звал из города к себе внука погостить. Вот Костя и приехал.

— Поведу я тебя в мою бригаду,— сказал дедушка.— Работников в ней тысячи тысяч. Во сколько! И я надо всеми бригадир.

— Э, дедушка! Столько народу, наверно, во всём колхозе нет. Хвастаешь!

В тот же день дедушка повёл внука на пасеку.

— Дедушка, а мёд где? — спросил Костя, как только они пришли.

— Пойдём посмотрим,— ответил дедушка.

Тут кругом было много цветов. Костя сразу увидел, как пчела села на один из них. Наклонился Костя и видит: пчёлка сунула свой хоботок в самую середину цветка.

— Она нектар своим хоботком выкачивает. Нектар — это сок, вроде сладкого сиропа,— объяснил дедушка.

— А мёд?

— Из этого сока пчёлки его и делают.

Пчела вся перепачкалась в жёлтой пыльце цветка. Лапками она очищала её с себя и складывала в маленькие корзиночки, сплетённые на лапках из волосков.

— Зачем это она делает?— удивился Костя.

— Запасает. Отнесёт пыльцу домой и в кладовку сложит. Цветочная пыльца с мёдом — хороший пчелиный корм.

— Пойдём скорее, дедушка, посмотрим, как она складывать будет,— попросил Костя.

Они подошли к одному улью и стали смотреть. Входом в улей была узкая щёлочка. Возле неё суеилось несколько пчёл.

— Это сторожа. Они всех осматривают, обнюхивают,— пояснил дедушка.— А то, бывает, прилетит чужая.

— Чужую не пустят?

— Если с грузом, так пустят. Ну, а если без ничего, обязательно прогонят. Бывает, что муравьишка какой-нибудь вздумает мёд украсть, сторожа тут как тут. Куда?— скажут.— А ты заработал?

— Так и скажут?

— Ну хоть не так, не словами, но всё-таки прогонят. А между собой пчёлы разговаривают по-особенному. Танцами.

— Как это, дедушка, танцами?— переспросил Костя.

— Да так уж у них заведено. Вернётся пчёлка-разведчица в улей и давай танцевать по-своему. Всё кругами, кругами. Разведчица снова из улья летит, а за ней следом другие пчёлы. Она их приведёт на те цветы, в которых медовый сок нашла. Так в пчелином доме и узнают, куда лететь на работу.

— Ух ты! — удивился Костя.

— У них разные специальности есть. Одни нектар собирают, пыльцу; другие — детей кормят. Сначала молочком, кашцей...

— Кашу варят?

— Нет, это они не умеют. Смешают пыльцу с мёдом, вот тебе и кашка для пчелиных детей — личинок. А другие в это время кладовки строят, прибирают в доме, сторожами стоят.

Потом дедушка усадил Костю за стол. Подвинул к нему чашку и ложку. А в чашке мёд.

— Кушай да скажи каково — вкусно?

У Кости мёда полный рот. Не может он говорить. Только щурится. Но дедушка и по глазам увидел — очень вкусно.

Дедушка сел рядом на пустой ящик.

— Мёд это не всё. У пчёлки есть дело и поважнее. Ты видел, как пчёлка в пыльце перепачкалась? Вот будет она с цветка на цветок перелетать и принесёт пыльцу с одного цветка на другой. От этого урожай больше и яблок, и гречихи, и подсолнечника — богатство!

— Дедушка! Пчёлы маленькие, по капельке, а сколько мёда собирают!

— Э, Костя, человек один тоже не больно много стоит, а если в бригаде... Один улей, бывает, за лето бочку мёда соберёт. А вся пасека, вся моя бригада колхозу целый грузовик мёду даст.

Сидят так Костя с дедушкой и разговаривают. Откуда ни возьмись, кот появился. Глаза зелёные на Костю уставил и потягивается.

— Эге! Василий Иванович пожаловал, — говорит дедушка. — Он у меня в бригаде главный сторож.

— Ну и сторож, — смеётся Костя. — Ты бы, дедушка, собаку! Вот это да!

— Куда собаке против кота. Василий Иванович воск сторожит да порожные соты. А они тоже из воска. Мыши как нападут на такое лакомство — беда.

— А зачем воск?

— Всего не расскажешь. Ушко в иголке сделать без воска нельзя. Новый корабль по стапелям спустить на воду тоже воск требуется.

— Откуда он берётся, воск? — любопытствовал Костя.

— Да пчёлы же его и дают. Прямо могу тебе сказать:

от воску колхозу не меньше прибыли, чем от мёду. Богатство!

Вдруг Костя с дедушкой увидели — пчёл над ними стало что-то уж слишком много летать.

— Эге!— сказал дедушка.— Все мои работнички домой из полей торопятся. Значит, скоро дождь будет.

— Что ты, дедушка!— Костя вскочил и показал на небо.— Даже облаков нет.

— А пчёлки, брат, знают. Будет дождь.

— Нет, не будет! Давай спорить!

Но дедушка и не слушал Костю. Он торопился открыть пошире щёлки — входы в ульи.

— Это чтобы все пчёлы могли поскорее домой попасть,— объяснил дедушка.

Костя ему помогать бросился.

Вскоре ветер налетел. Он с собой чёрные тучи пригнал. А из туч гром ударил, молния засверкала. Потом дождь пошёл.

— Ну, что ты скажешь?— спросил дедушка, когда они спрятались от дождя в шалаш.

— Я беспокоюсь, дедушка, не протекают ли на пчелиных домиках крыши.

— Беспокоишься? — улыбнулся дедушка. — Коли так, принимаю тебя в свою бригаду. Мне такие помощники как раз и нужны.

Николай Смирнов

Полосатик

Рассказы

ЗНАКОМСТВО

Малинник разросся буйно и гнулся под тяжестью крупных переспелых ягод. Я почувствовал себя Робинзоном и радовался — первый нашёл. Тронул ветки, одну, другую... Вдруг серенькое, полосатое из-под ног — швырк — и на дерево! Смотрю, бурундучок. Уставился глазёнками, не мигнёт. Нарочно не обращаю на него внимания, насвистываю. Полосатик успоко-

ился, спустился вниз и давай трудиться: ветку малины нагнёт и ягоды лапочкой в рот себе стряхивает. За щеками у него мешки специальные. Он их набьёт до полна, сбегает куда-то, малину высыплет и тотчас же обратно возвращается.

Любопытно мне стало. Пошёл я за бурундучком и увидел нору. Понял: припасы готовит зверюшка. Дай, думаю, помогу, ведь старается трудяга. Набрал пригоршню ягод, возле норы сложил, сам смотрю. Бурундучишка прибежал, малину обнюхал и совсем не удивился. Перекатил ягоды в кладовую и не уходит, ждёт. Понравилось! Делать нечего, пришлось ещё нести. Так и трудились мы вместе. Полосатик до того освоился, что на руки себя брать позволял. Почувствовал, что человек к нему как друг пришёл.

Я потом часто навещал бурундучка. Он слышит шаги и мчится сломя голову навстречу. Заберётся на плечи, карманы обшарит и уж обязательно гостинец найдёт.

Только однажды утром он меня не встретил. И нора

сухой травой забита. Значит, в землю ушёл. К чему такая спешка? — удивился я: до зимы ещё далеко.

А вечером поднялся ветер, нагнал тучи и повалил снег, да такой густой, как в декабре.

Не ошибся лесной житель.

В БЕДЕ

Зимой я решил провести бурундучка — как-то ему спится?

Снегу в лесу понасыпало: кусты в нём по самые плечи укутаны. Поваленную сосну едва заметно. А по сосне человек прошёл, в лаптях или валенках самокатанных: след широкий, неаккуратный, носками внутрь. Обычно человеческий след пятками внутрь бывает. Инвалид, что ли?

И странно, что он без лыж. Пожалел горемыку. Какая беда в лес его погнала? У молодой осинки неизвестный непонятно зачем-то почки срезал, ветки обломал начисто и разбросал их. Пересёк лужайку, на которой малинник рос. Над бурундучишкиным жилищем снег воронкой взметён. Земля чернеется.

Теперь я уже догадался: никакой это не человек, а обыкновенный медведь-шатун. Поднялся не ко времени из берлоги и бродит в поисках съестного. А кто для него

наготовил? Нору разрыл, чтоб даровыми припасами пользоваться. Хорошо, если сам хозяин уцелел.

След косолапого уходил в чащу. А по другую сторону норы цепочка мелких следов по снегу вьётся и петляет. Полосатик бежал. Скачки размашистые, броские: напуган зверёк. Догнать надо, погибнет голодный на холоду. Побежал за ним. Думал, быстро настигну, да не тут то было. Бурундучишка приостановился, но как слышал хруст снега под лыжами — припустил наутёк, решил, что медведь его преследует. Долго я за ним гнался. Бурундучишка сдавать стал: хвост по снегу волочит, прыжки сбавляет. Рядом он где-то, сейчас увижу его. Только подумал так, полосатик выскочил из-под валежины — и на дерево. Вскарabкался, смотрит. Я молчу. Он глядел, глядел и — бултых головой в снег.

Я его скорей на руки и в карман, чтоб отогрелся. Домой принёс. У приятеля молока выпросил, налил в блюдечко, хлеба крошил. Бурундучишка под кровать забился, никак выходить не хочет. Потом осмелел, к блюдечку подобрался, полакал. Хлебом закусил и уснул преспокойно, растянувшись у печки.

Всю зиму он в избе прожил. Весной выпустили его на волю. Бурундучишка на старую квартиру не пошёл, вырыл нору прямо за огородами, поближе к деревне.

А шатуна местные охотники выследили и убили. Поделом ему — не безобразничай.

Зверинец на стене

Оляпка пролетала поздно вечером мимо окна одного дома и увидела на стене в комнате тень орла. Потом она исчезла, и на её месте появилась тень гуся. Потом — кошки, потом слона, козы...

«Уж не зверинец ли в этой комнате?» — подумала Оляпка и впорхнула в форточку. На стульях сидели ребята и, раскрыв рты, смотрели, как усатый дяденька делает руками на стене силуэты разных зверей и птиц. Почти как в кино.

А вы сумеете так сделать?

Алексей Домнин

СНЫ

Жили в подушке
Сны про лягушку,
Сны про зайчишку,
Сны про мальчишку,
Тихие, добрые, сладкие сны
Про серых и рыжих зверюшек лесных,
Илюшка подушку
Не мял и не бил,
Сны про лягушку
Илюшка любил.

Клонится, клонится ушко к подушке,
Шепчет на ушко лягушка Илюшке:
— Я тебя в царство своё отведу,
Будем с тобою играть в чехарду,
Будем стрекоз и комариков кушать.
Спи-засыпай поскорее, Илюша.

К Илюше в подушку забрался однажды
Сон незнакомый, сердитый и важный.
Стал он кусаться, пинаться и драться,
Ласковым сном приказал убираться:
— Отдайте мне ваши игрушки-ватрушки
И вылезайте из этой подушки!
Стану один я в ней жить-поживать,
Илюшке недобрые сны колдовать!
Но рассердились хорошие сны
Про серых и рыжих зверюшек лесных:
— Мы не хотим, чтобы ночью Илюшка
Плакал от страха на мягкой подушке!

Проснулся, глаза протирает Илюшка —
Вприсядку по комнате скачет подушка,
И в ней словно кто-то кого-то щекочет
И кто-то недобрый визжит и хохочет:
— Я больше не буду, пустите меня!
...Но вот приутихла в подушке возня.
Подушка Илюшке под ухо легла,
И сказку лягушка опять завела
Про добрые сны,
Про хорошие сны,
Про серых и рыжих зверюшек лесных.

ИГРУШКИ

Из пластмассы:
Упал —
И не сломался!
А вот весёлая юла.
Бежит с угла и до угла.
Всё кружится передо мной,
Как перед солнцем
Шар земной!
...Пустил станок токарный
Умелец-токарь молодой.
И стал тут
Под рукою парня
Кусочек дерева — юлой!
Игрушки, игрушки!
Игрушкам нет числа:
Игрушки из бумаги,
Из ваты, из стекла.
Они пришли, как всё вокруг,
От добрых, от умелых рук.
От рук
Отцов
И матерей —
Шахтёров,
Швейниц,
Токарей.
От всей родни,
От всех друзей,—
И нет их лучше и добрей!
Игрушки,
Игрушки,
Синие, зелёные.
Игрушки,
Игрушки,—
Любимые, дарёные!

Из пластмассы:
Упал —
И не сломался!
А вот весёлая юла.
Бежит с угла и до угла.
Всё кружится передо мной,
Как перед солнцем
Шар земной!
...Пустил станок токарный
Умелец-токарь молодой.
И стал тут
Под рукою парня
Кусочек дерева — юлой!
Игрушки, игрушки!
Игрушкам нет числа:
Игрушки из бумаги,
Из ваты, из стекла.
Они пришли, как всё вокруг,
От добрых, от умелых рук.
От рук
Отцов
И матерей —
Шахтёров,
Швейниц,
Токарей.
От всей родни,
От всех друзей,—
И нет их лучше и добрей!
Игрушки,
Игрушки,
Синие, зелёные.
Игрушки,
Игрушки,—
Любимые, дарёные!

Мама Света

Закапризничала Света:

— Дайте то,
Подайте это.
Хоть давно пора в кровать,
Не ложится Света спать.
— Света, если ты упряма,—
Так сказала мама ей,—
Пусть ты завтра будешь мамой,
Я — дочуркою твоей.

Света прыгнула с кроватки,
Сумку мамину взяла,
Словно мама, по порядку
День с рассвета начала.

Дзинь-дзи-ли-инь — будильник скачет,
Чуть не рассыпается.
Мама-дочка плачет, плачет,
Но не просыпается.
Слышит Света:
Свищут птички,
Время к сроку близится.
Еле-еле две косички
Заплела капризнице.
В детский садик привела
И надела тапочки.
Дочка плакать начала:
— Не останусь, мамочка-а!
Как же быть?
Не знает Света,
И сказать ей нечего.

Так и думала об этом
Целый день
До вечера.
Вот пришла она домой
Вечером с работы.
Надо суп варить самой,
На второе что-то.
Надо вымыть стол и пол,
Даже блюдце кошке.
Кошка трогает подол,
Тычется в ладошку.
Не хватает рук и ног,
Хоть бы кто-нибудь помог!

В садик надо поскорей
Ей за мамой-дочкой.
Только мама из дверей
Выходить не хочет.
И на улице кричит:
— Не пойду по этой!
Не даёт достать ключи
Из кармана Свете.
Дома шум, дома вой,
Раскричалась мама:
— Не хочу ничего-о,
Буду бить ногами!..
Ни гулять, ни играть,
Книжки надоели.
Света маму на кровать
Уложила еле.
Всё капризничает мама,
Бьёт руками и ногами:

— Днём я в садике спала-а...
Ты ведь тоже не легла-а...
А потом сказала Свете:
— Вот и кончилась игра.
Спят давно в кроватках дети,
И тебе заснуть пора.
Света
Спать легла послушно
Разве нужно говорить:
Дочкой
Быть, конечно, лучше,
Очень трудно
Мамой
Быть.

САМОЕ БОЛЬШОЕ НАКАЗАНИЕ

Мама и папа сели за стол обедать. И Нёнька с ними. Суп ей налили в большую тарелку. Дали большую ложку.

Нёнька взяла на колени пупса Сашу и кормит его. Суп из ложки льётся на стол и на фартук, и даже на пол.

— Нёнька, не шали!— строго сказала мама.

— Хорошо,— согласилась дочка.

А сама продолжает Сашу кормить.

— Перестань,— сказал папа.

— Ладно.

И тут же целую ложку на пол пролила.

— Какая непослушная,— рассердился папа.— Придётся тебя наказать.

Взял Нёнькину большую тарелку и поставил её на маленький стол. Отобрал большую ложку и дал маленькую. Посадил Нёньку на маленький стульчик возле маленького стола.

— Со взрослыми тебе, видать, есть ещё рано.

Села Нёнька на маленький стульчик и заплакала горько-горько. Лучше бы её в угол поставили, только за этим столиком есть не заставляли. Она же сидела за ним, когда была совсем маленькой.

ПОМОЩНИЦА

Каждое утро мама веником пол подметает. Соринки и под стол прячутся, и под стулья, и под большой гардероб, и в углы забиваются. Только веник везде их находит. Насобирает много-премного, целую кучу. На совок мама их заметёт и бросает в ведро. Оно на кухне стоит.

Ушла мама в магазин. Нёнька побежала на кухню, взяла веник, совок и начала комнату подметать. Маме помочь захотела.

Метёт Нёнька, метёт, а соринки нет. Под столом веник их не нашёл, и под стульями, под гардероб вообще не захотел залезать.

Нёнька уже устала, а на полу всего одна бумажка лежит. И ту она с папиного стола сбросила.

Поглядела Нёнька с укором на веник:

— Ну что же ты ленишься? Придётся тебе помочь...

Побежала Нёнька к ведру, в которое мама соринки бросает. Набрала их полную пригоршню и к порогу отнесла. Потом ещё сбегала, потом ещё...

Набегалась, устала так, что совок у неё из рук вырвался, с кучей соринки упал.

— Ты пока поработай,— сказала Нёнька,—а я полежу.

Легла на диван и заснула.

А когда проснулась, то мама уже вернулась и бранить её начала:

— Совсем ты у меня баловницей стала!

Геннадий Кайгородов

ГРАДУСНИК

Он дремал в своём футляре.
Вдруг встряхнулся неспроста:
В доме шум, как на пожаре,
Как на рынке, суета.
На кровать кладут мальчишку.
Он мальчишке — шмыг под мышку,
Да как вскрикнет сгоряча —
Надо срочно звать врача!

ОЛЯПКИНА ПОЧТА

После выхода первых двух моих книжек я получила много писем от читателей — своих маленьких друзей. Больше тысячи. Со всех концов страны: из Баку и Архангельска, из Хабаровска и Калининграда. Сами понимаете, что написать столько писем в ответ мне очень трудно. Поэтому я опять отвечаю в книжке — всем сразу.

Я очень рада, что мои книжки вам понравились. Но особенно приятно мне было читать такие письма, как, например, от Нади Вакуленко из Волгограда и Тамары Чобанян из Егорлыкского района Ростовской области. Они — и мно-

гие другие ребята тоже — получили мою книгу в подарок за хорошую учёбу. Такое известие — для меня самый лучший подарок. Я очень люблю людей умелых и знающих. Таня Пескова из Карагайского района Пермской области, которая отлично поняла мой характер, написала об этом такие стихи:

Весёлая Оляпка
Летает и поёт.
Весёлая Оляпка
Советы всем даёт.
Она советует ученикам
Учиться на пятёрки
И дома маме помогать,
И быть прилежной в школе.

Всё верно — очень правильные стихи про меня.

А вот Толик Солоха из города Гремячинска написал мне, что он учится «средня». Похоже, что это так и есть, потому и слово это у него с ошибкой: он так и написал — не «средне», а «средня». Приятного в этом, конечно, ничего нет, но я думаю, что Толик сумеет исправиться: он, похоже, парень честный и не боится признаться в своих недостатках, а это тоже много значит. Я тебе, Толик, советую быть внимательнее на уроках и как следует заниматься дома.

Но что посоветовать Вове Фадееву из Перми, я прямо не знаю. Он пишет: *«У нас в классе есть два драчуна. Как отучить их от драки?»*

Действительно, как отучить людей от драки? Я даже не знаю — я ведь никогда не дерусь. Может быть, вы, ребята, Вове что-нибудь посоветуете? А я поговорю с дядей Андреем и его друзьями-писателями, может, и они придумают что-нибудь. В следующей книжке мы обязательно разберёмся с этим делом.

Зато с удовольствием я читала письмо Вали Мелкумовой из деревни Жижино. *«У меня много друзей. Они все хорошие»*, — пишет Валя. Вот, наверное, когда крепко дружат много хороших друзей, драться никому на ум не приходит. Почитайте-ка, как много значит настоящая дружба. Это вы поймёте из письма Вовы Ефремова, которое помещаю здесь целиком.

Это было, когда я был здоров и умел бегать. Иду я раз лесом. Вдруг вижу — идёт мне навстречу волк. Всё, думаю, съест он меня. И тут я придумал, как обмануть волка. Быстро снял шапку с головы, взял в свои зубы и стал её трепать и ворчать. Волк прижал хвост, а я треплю шапку, ворчу и на него двигаюсь. Он скакнул в сторону и бросился бежать. Так я спасся от волка. С тех пор я и собак не стал бояться. Как увижу, что собака на меня хочет броситься, лает, я снимаю шапку, беру в зубы и ворчу. Собака прижимает хвост и убегает.

«Дорогая Оляпка, я прочитал твою книгу, она мне очень понравилась. А больше всего мне понравился рассказ «Небывальщина» писателя А. Волкова. Я очень сильно смеялся. Я учусь во втором классе. В школу я не хожу. Ко мне ходит на дом учительница, так как у меня ноги разбиты параличом, и ко мне ходят мои товарищи».

Видите, как помогает настоящая дружба? Вова так сильно болен, но не унывает — учится и любит веселиться. Для моей книжки он сочинил вот такой весёлый рассказ.

Верно ведь — интересный рассказ?

А многие ребята сочинили для меня стихи. Вот стихи Лины Лимаровой из города Славянска Донецкой области.

День седьмого ноября
Завоёван нами.
Мы гордимся этим днём,
Нашими отцами.
Наш народ воевал
За свободу, братство.
Мы живём в краю родном,
Где цветут цветы.

Хорошо любить свою Родину, свой народ, родимый край, в котором живёшь! Вот так любит свой город Наташа Загребина: *«Я живу в городе Ижевске. Ижевск очень красивый. В нём много школ, домов, фабрик, заводов, магазинов»*. А сколько ещё хороших мест на земле, в которых вы живёте! И как красиво они называются! Славянск, например, в котором живёт Лина Лимарова или Хлебобобный сельсовет в Ростовской области, где живёт Тамара Чобанян, про письмо которой вы уже читали. А чем хорош ваш край, ваш город или деревня? Напишите мне об этом.

Марина Капустина стихов не сочинила. Зато она нарисовала меня и картинку подписала: *«Оляпка читает стихи»*.

В письме Марина пишет: *«Я нарисовала тебя красной, потому что люблю красный цвет, и почти все картинки рисую красными. Я учусь в третьем классе. Я проучилась два года и каждый год заканчивала только на пять. Люблю читать книжки. Твою книжку я взяла в библиотеке имени Николая Алексеевича Некрасова. Это очень хороший поэт. Я часто посещаю его музей»*.

Тоже очень приятное письмо! Хорошо любить красный цвет — цвет знамён и ваших галстуков. Хорошо

учиться на пять, любить книги и знать знаменитых поэтов. Хорошо помнить, кто жил в твоём родном краю и прославил его.

Нарисовали меня, другие картинки и ещё многие ребята. Даже самые маленькие малыши. Если бы все рисунки напечатать, вышла бы книжка толще этой.

Почти все правильно отгадали мои загадки, а многие загадали мне свои. Я кончаю письмо и кончаю книжку. Но чтобы нам не было грустно при расставании, давайте напоследок отгадаем загадки, которые прислала Валя Тищенко из города Губахи:

По дороге я шёл, две дороги нашёл, по обеим пошёл.
Шёл долговяз, в землю увяз.
Что над нами вверх ногами?

Отгадаете — пришлите мне ответ. Пишите, понравилась ли вам моя третья книжка, пишите обо всём, что вас волнует в вашей жизни, обо всём интересном.

До новых встреч в моих новых книжках, маленькие мои друзья!

ВАША ОЛЯПКА.

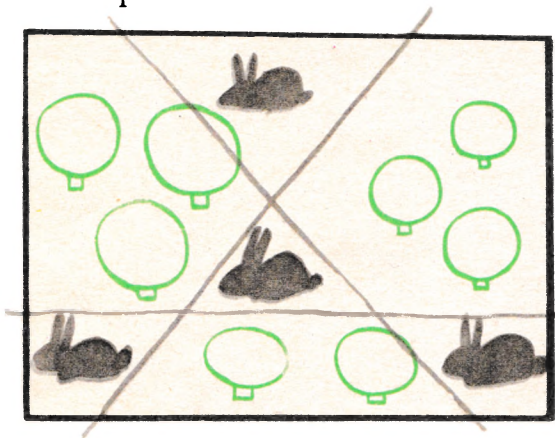
Мой адрес прежний:

г. Пермь, ул. Карла Маркса, 30, Пермское книжное издательство, Оляпка.

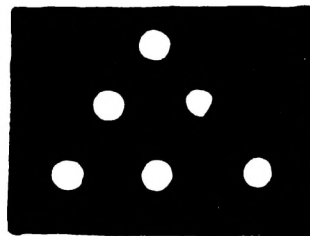
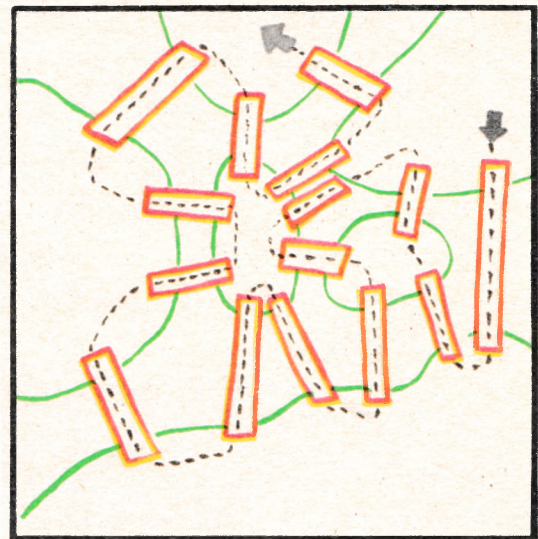

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Кролики и капуста,
стр. 114

Пятнадцать мостов,
стр. 35

Кошки и шашки, стр. 58

СОДЕРЖАНИЕ

Ребятишки, мои друзья!	4
Самое интересное, что я видела.	
<i>Рассказывает сама Оляпка</i>	5
Юрий Мишаткин. Каток в Кремле. Из рассказов	
о Ленине	9
Наум Хаунен. Тетрадь. Стихи	17
Евгения Трутнева. Победа. Стихи	18
Николай Чикуров. Раздольное поле, бархатный луг, звон-	
кий ручей, зелёные ёлки и Петя пастушок. Сказка	20
Иван Панькин. Петри. Рассказ	27
Лев Кузьмин. Король-вояка, необыкновенная машина	
и Май-Мастеровой. Сказка	30
Пятнадцать мостов. Задача	35
Александр Граевский. Проигранное сражение. Рассказ	36
Виктор Попов. Пусть не знают руки скуки. Стихи	41
Виталий Пашин. Витька-буян. Рассказ	42
Путешествие за два моря.	
<i>Рассказывает сама Оляпка</i>	
1. У трёх водопадов	46
Весёлый футболист. Задача	49
Наум Хаунен. Томочка-потомочка. Стихи	49
Татьяна Чернова. Как исчез король. Рассказ	50
Путешествие за два моря. 2. Что рассказал дядя	
Андрей	56
Кошки и шашки. Задача	58
Лев Кузьмин. Станный случай. Сказка	59
Борис Ширшов. Корзина-машина. Рассказ	63
Виктор Болотов. Дождик. Стихи	67
Арнольд Ожегов. Куда улетают листья. Рассказ	68
Алексей Домнин. Хрустинки. Стихи	71
Путешествие за два моря. 3. Там, где реки потекут	
вспять	72
Геннадий Солодников. Федюнина горка. Рассказ	75
Виктор Попов. На горке. Стихи	81
Василий Бирюков. Валенька. Стихи	81
Андрей Ромашов. Алёшкин гусь. Рассказ	82
Евгений Фейерабенд. Жук-усач. Комариный зонтик.	87
Семён Коган. Спит рабочий городок. Стихи	88
Михаил Смородинов. Ливень хлынул и прошёл... Стихи	89
Виктор Астафьев. Там, где птицы вьют гнёзда. Рассказы	90
Геннадий Кайгородов. Нефть пошла! Стихи	105
Леонид Фомин. Последний шаман. Рассказ	106

Владимир Суслов. Хвастунишка. Подорожник. Подъём- ный кран. Мостик. Земляника. Стихи	112
Владимир Рутковский. Веснушки. Стихи	114
Кролики и капуста. Задача	114
Анатолий Тумбасов. Как видит художник. Рассказы .	115
Альберт Ничиперович. Необыкновенная берлога. Рассказ	121
Алексей Домнин. Звёзды на грядке. Стихи	125
Кто видел оляпку? Невыдуманные истории	125
Семён Коган. Утюг-путешественник. В миске-бассейне. Жила-была чернильница. Стихи	131
Оляпкины друзья. Рассказы	132
Авенир Крашенинников. Маленький победитель	133
Александра Емельянова. Неожиданная защитница . .	136
Владимир Воробьёв. Дедушкина бригада. Рассказ . .	138
Николай Смирнов. Полосатик. Рассказы	143
Зверинец на стене	147
Алексей Домнин. Сны. Стихи	148
Наум Хаунен. Игрушки. Стихи	151
Авенир Крашенинников. Мама Света. Стихи	152
Анатолий Соколов. Самое большое наказание. Помощ- ница. Рассказы	156
Геннадий Кайгородов. Градусник. Стихи	158
Оляпкина почта	159
Ответы на задачи	167

В СБОРНИКЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ
ХУДОЖНИКИ:

В. Аверкиев, А. Зырянов, С. Калачев, В. Кадочников, В. Кузин, С. Мо-
жаева, В. Мотовилова, А. Мотовилов, Е. Нестеров, В. Новиков,
В. Смирнов, М. Светлаков, М. Тарасова, А. Тумбасов, А. Толкач,
Ю. Ужегов, Д. Ячейкин.

О Л Я П К А

**Сборник произведений для детей младшего
школьного возраста**

Составитель *А. М. Домнин*

Редактор *Р. П. Белов*

Художественный редактор *М. В. Тарасова*

Технический редактор *В. В. Вагин*

Корректор *И. Л. Пархомовская*

Подписано к печати 12/V 1966 г.

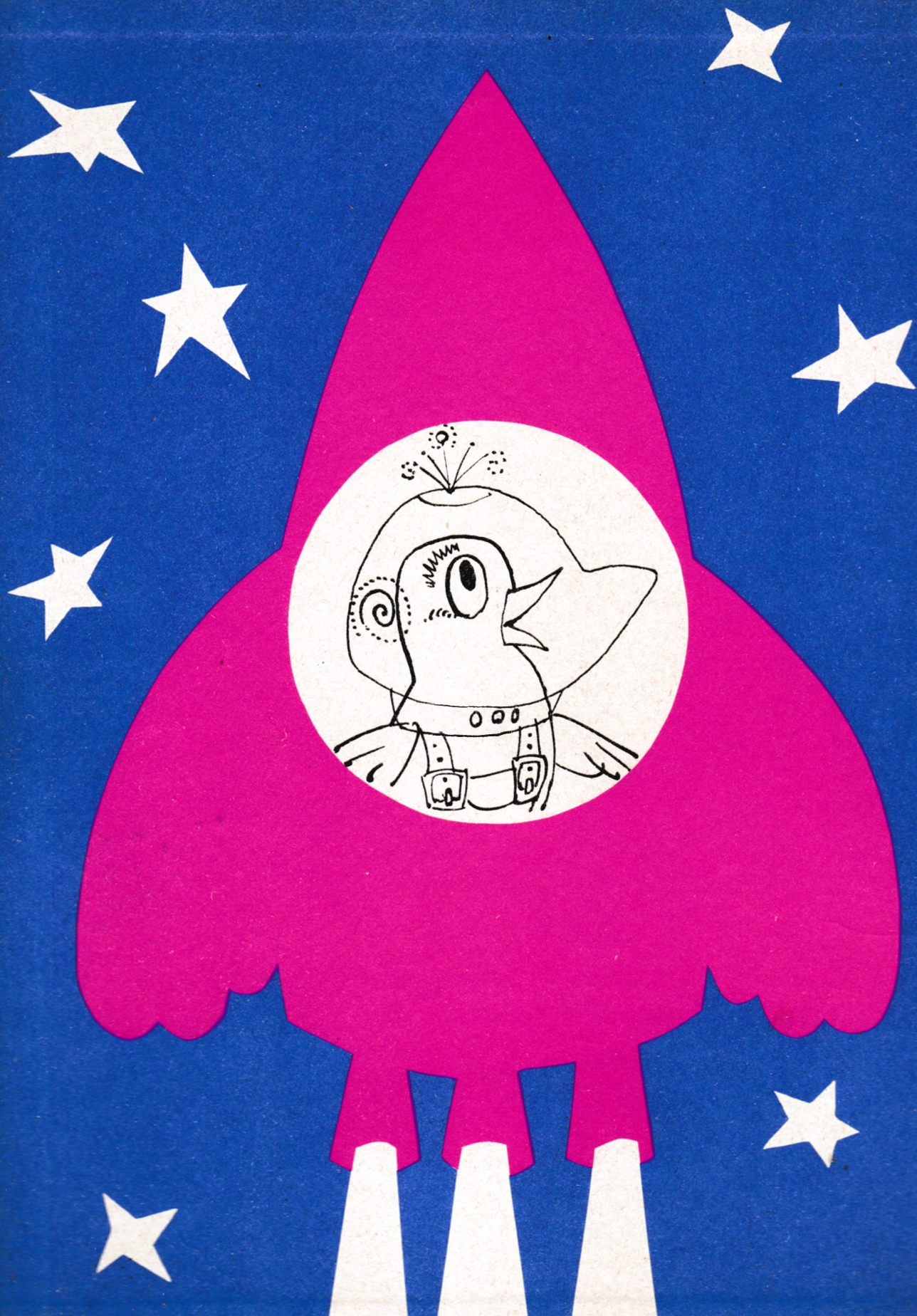
Формат бум. картогр. $84 \times 108^{1/16}$;

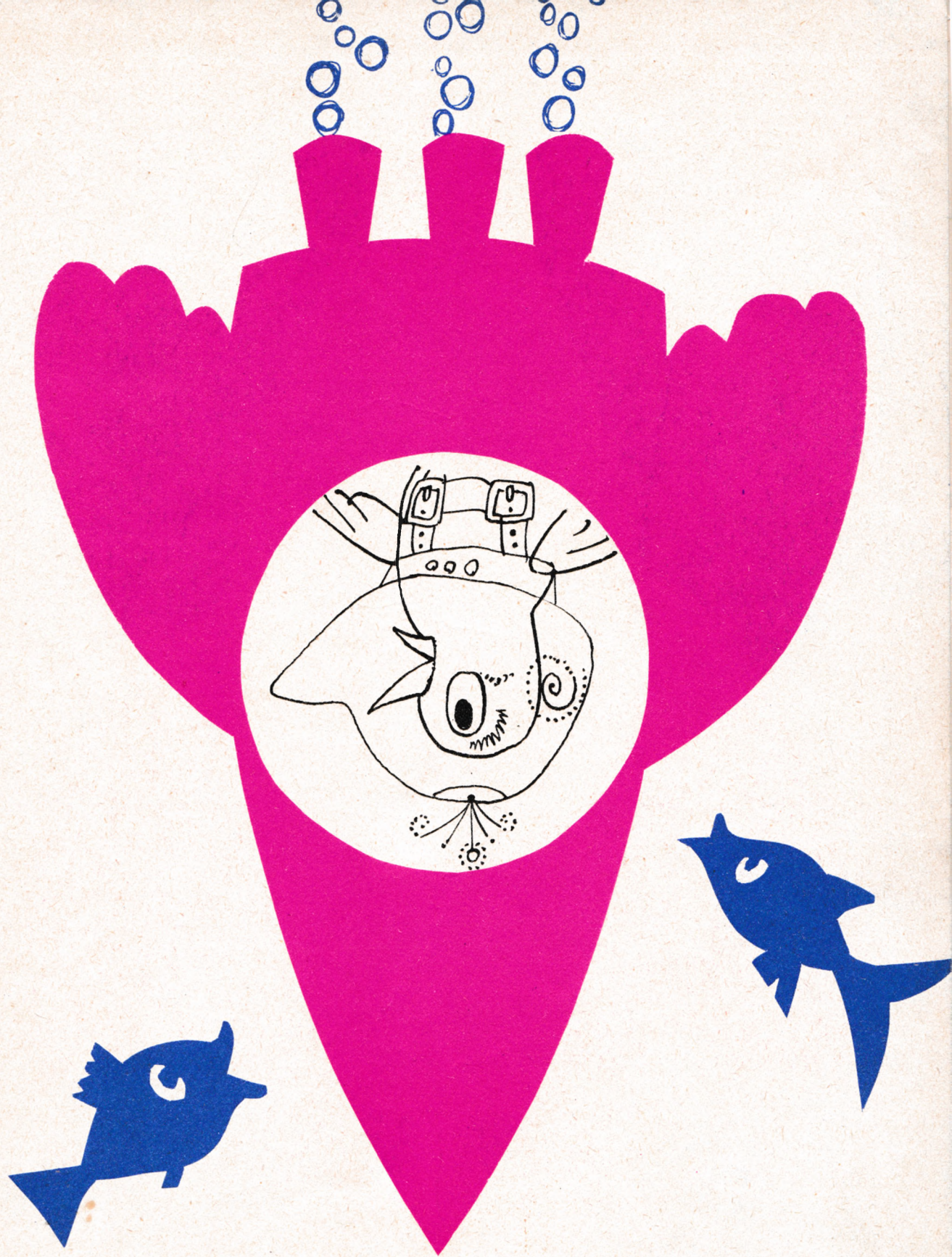
печ. л. 10,5 л.; б. л. 5,25 л.

(Усл.-прив. 17,22) уч. изд. 12,926 л.

Тираж 150 000 экз. Зак. 7798. Цена 1 р. 07 к.

г. Пермь, тип. «Звезда». ул. Дружбы, 34.

1 p. 07 к.

